

ГРЭМ
ГРИН

Путешествия с тетушкой
Комедианты

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Грэм Грин
Путешествия с тетушкой.
Комедианты (сборник)
Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34115144

*Грэм Грин. Путешествия с тетушкой. Комедианты: АСТ; Москва;
2018*

ISBN 978-5-17-107404-3

Аннотация

Грэм Грин (1904–1991) – английский писатель, журналист-международник, побывавший во многих «горячих» точках, агент английской разведки – человек, о жизни которого можно было бы написать не менее увлекательный роман, чем те, что выходили из-под его пера. Неоднократно номинировался на Нобелевскую премию, однако так и не получил ее, поскольку академики считали жанр криминального и шпионского романа слишком несерьезным для такой высокой награды. Однако многих нобелевских лауреатов уже никто и не вспомнит, а Грин, по меткому замечанию критика, «по-прежнему равно интересен интеллектуалам и любителям остросюжетной литературы».

В сборник включены романы «Путешествия с тетушкой» и «Комедианты».

Содержание

Путешествия с тетушкой	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Грэм Грин

Путешествия с тетушкой. Комедианты

Graham Greene

TRAVELS WITH MY AUNT

THE COMEDIANS

Печатается при содействии литературных агентств David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

© Graham Greene, 1963, 1966, 1969

© Перевод. Н. Рахманова, 2018

© Перевод. А. Ставиская, наследники, 2018

© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

«Путешествие с тетушкой»

Остроумная, легкая, блестяще рассказанная история о головокружительных поворотах судьбы.

Рядовой банковский служащий ведет скучную размеренную холостяцкую жизнь вместе со своей престарелой мате-

рю. И хобби у него такое же унылое и совсем не подходящее для мужчины – разведение георгинов. Но внезапно на сцене появляется экстравагантная тетушка Августа и погружает его в яркий водоворот настоящей жизни.

«Комедианты»

Бойкий европейский авантюрист и безнадежно наивный американский политик. Подозрительный ветеран-наемник и скучающая латиноамериканская красавица. Продажный министр и фанатик-повстанец. Где еще могла собраться столь пестрая компания, как не на сумрачном Гаити времен диктатуры Дювалье, ставшего местом действия «Комедиантов»? Здесь все непрочно, никто не знает, что случится с ними в следующую минуту, и каждый пытается скрыть свое истинное лицо под маской, играя, будто в последний раз...

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Путешествия с тетушкой

*Посвящается Г. Г. К. – с благодарностью за
неоценимую помощь*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Впервые я познакомился с тетушкой Августой, когда мне было за пятьдесят, на похоронах моей матери. Матушка немного не дожила до восьмидесяти шести, а тетя Августа была лет на десять-двенадцать моложе. К этому времени я уже два года как оставил свою банковскую должность, получив приличную пенсию и умеренно ценный подарок. Наш банк влился в Вестминстерский банк, и филиал, где я служил, был за ненадобностью ликвидирован. Все вокруг полагали, что мне необыкновенно повезло, но я, честно говоря, не знал толком, чем себя занять. Я не был женат, привык вести уединенный образ жизни, и у меня не было никаких особых пристрастий – разве что разведение георгинов. Поэтому похороны матери внесли некоторое оживление в мое однообразное существование.

Отец мой умер сорок с лишним лет назад. Он был строительным подрядчиком и отличался какой-то патологической сонливостью: в любое время дня он мог уснуть в самом неожиданном месте. Это выводило из себя матушку, женщину весьма энергичную, и она положила себе за правило всякий раз разыскивать его и будить. Помню, в детстве я как-то зашел в ванную комнату – мы жили тогда в Хайгейте – и обнаружил отца, который спал в ванне прямо в одежде. Будучи близоруким, я подумал, что мать чистила пальто и оставила его в ванне, но вдруг услышал шепот: «Будешь выходить – запри дверь изнутри». Ему было лень выбраться из ванны и так сильно хотелось спать, что он даже не способен был осознать всю нелепость своего требования. В Льюишеме, где он ведал строительством нового многоквартирного дома, он не раз располагался вздремнуть в кабине подъемного крана, и вся работа останавливалась, пока он спал. Матушка, хорошо переносившая высоту, не раз, бывало, взбиралась по лесам на самый верх в поисках мужа, в то время как он мог мирно спать где-нибудь в уголке подвала, предназначенного для подземного гаража. Я привык считать, что они составляли по-своему счастливую пару: взаимодополняющие роли охотника и дичи, очевидно, их вполне устраивали. Во всяком случае, у матери, с тех пор как я ее помню, была привычка держать голову чуть-чуть набок, как бы прислушиваясь, и передвигаться настороженной трусцой, на манер охотничьей собаки. Да простятся мне эти воспоминания о прошлом – на

похоронах, когда время тянется мучительно медленно, они невольно приходят на ум.

На прощальной церемонии в одном из известных крематориев народу было немного; все находились в несколько возбужденном ожидании, чего никогда не бывает у могилы на кладбище. Раскроются ли вовремя створки печи? Не застрянет ли гроб по дороге? За спиной я услышал незнакомый женский голос, который со старомодной отчетливостью произнес: «Мне уже однажды довелось присутствовать на преждевременной кремации».

Это была, как я с опозданием сообразил – я знал ее только по фотографии в семейном альбоме, – моя родная тетушка Августа. Она прибыла в числе последних, одетая так, как могла бы быть одета блаженной памяти королева Мария Стюарт, если бы она дожила до наших дней и слегка приспособилась к современной моде. Меня поразили ее ярко-рыжие волосы, уложенные высокой башней, и два крупных передних зуба, которые придавали ей здоровый неандертальский вид. Кто-то зашикал – священник уже приступил к заупокойной молитве, которую, как мне показалось, он сам сочинил. По крайней мере, я никогда не слышал такого текста, хотя на моем счету немало похорон. Управляющий банком почитает своей обязанностью провожать в последний путь каждого старого клиента – если он не задолжал банку, – а я и вообще питаю слабость к похоронам. Тут люди предстают в своем лучшем виде – серьезные, собранные и преисполнен-

ные оптимизма по части собственного бессмертия.

Матушкины похороны прошли как по маслу. Гроб с похвальной бережливостью был освобожден от цветов и, как только нажали кнопку, плавно двинулся в заданном направлении и скрылся из виду. Потом, на улице, щурясь от солнечного света, хотя на солнце то и дело набегали тучи, я без конца пожимал руки многочисленным племянникам, племянницам и еще каким-то родственникам, с которыми не виделся много лет и даже забыл, кого как зовут. Полагалось дожидаться урны с прахом, и я остался ждать; надо мной мирно дымила крематорская печь.

– Если не ошибаюсь – Генри? – сказала тетюшка, задумчиво разглядывая меня фиалково-синими глазами.

– А вы, если не ошибаюсь, тетя Августа?

– Я целую вечность не видела твою мать. Надеюсь, у нее была легкая смерть?

– Да, знаете ли, в ее возрасте... Отказало сердце – и все. Она, собственно, умерла от старости.

– От старости? Да она всего на двенадцать лет старше меня. – В голосе тетюшки прозвучал укор.

Мы вдвоем прошли по садику колумбария. Крематорский сад походит на настоящий примерно так же, как площадка для гольфа – на природный пейзаж: газоны идеально ухожены, деревья выстроены идеально ровно, как на параде. Даже урны напоминают деревянные подставки с песком, на которые кладется мяч для первого удара.

– Скажи, ты по-прежнему служишь в банке? – спросила тетушка.

– Я уже два года как на пенсии.

– На пенсии? Такой молодой человек? Чем же ты занимаешься, скажи на милость?

– Развожу георгины.

Она повернулась ко мне всем корпусом, сохраняя при этом королевское величие, словно на ней было платье с турнюром.

– Георгины?! Что сказал бы твой отец!

– Да, я знаю, он цветами не интересовался. Он считал, что всякий сад – это попусту загубленный строительный участок. Он всегда прикидывал, какой дом можно было бы соорудить на этом месте – сколько этажей, сколько спален... Он ведь очень любил поспать.

– Спальни ему были нужны не только для сна, – возразила тетушка с поразившей меня грубой откровенностью.

– Он засыпал в самых неподходящих местах. Помню, раз в ванной...

– В спальне он занимался еще кое-чем, не только спал. Ты – лучшее тому доказательство.

Я начал понимать, почему родители так редко виделись с тетей Августой. Ее темперамент вряд ли мог прийтись по вкусу моей матери. Пуританкой матушка вовсе не была, но строго придерживалась правила: всему свое время. За столом полагалось говорить о еде. Иногда еще о ценах на про-

дукты. Когда мы ходили в театр, то в антракте говорили о пьесе, которая давалась в тот вечер, или о пьесах вообще. За завтраком обсуждались новости. Если беседа отклонялась в сторону, матушка умела ловко направить ее в нужное русло. У нее всегда наготове была фраза: «Дорогой мой, сейчас не время...» А в спальне, вдруг подумал я с прямотой, похожей на тетушкину, она, наверное, говорила о любви. Поэтому она и не могла смириться с тем, что отец засыпал когда и где попало, а с тех пор, как я стал увлекаться георгинами, она настоятельно советовала мне не думать о цветах в служебные часы.

К тому времени как мы обошли сад и вернулись, все уже было готово. Урну я заказал заранее – в строгом классическом стиле, из темного металла. Мне, конечно, хотелось бы удостовериться, что заказ выполнен точно, но нам вручили уже готовый, плотно перевязанный пакет с красными наклейками, напоминающий красиво упакованный рождественский подарок.

– Что ты собираешься делать с урной? – спросила тетушка.

– Я хотел установить ее на небольшом постаменте у себя в саду, среди георгинов.

– Зимой это будет выглядеть довольно уныло.

– Пожалуй... Это мне как-то не приходило в голову. Что ж, на зиму можно будет вносить урну в дом.

– Таскать прах взад и вперед? Как же моя сестра упоко-

ится в мире?

– Вы правы, я еще подумаю.

– Ты ведь не женат?

– Нет, не женат.

– И детей нет?

– Нет, разумеется.

– Значит, надо решить, кому ты сможешь завещать прах.

Я все-таки вряд ли тебя переживу.

– Невозможно решать все сразу.

– Ты мог бы оставить урну в колумбарии, – сказала тетушка.

– Мне кажется, она будет неплохо смотреться на фоне георгинов, – упрямо возразил я. Весь вечер накануне я обдумывал, как соорудить простой, изящный постамент, и даже делал наброски.

– А *chacun son goût*¹, – сказала тетушка с прекрасным французским выговором, что немало меня удивило: наша родня никогда не отличалась космополитизмом.

– Ну что же, тетя Августа, – начал я, когда мы дошли до ворот крематория (я спешил домой – меня ждала работа в саду), – мы так давно с вами не виделись... – Второпях я не успел убрать под навес газонокосилку, а серые тучи, пробежавшие над головой, грозили вот-вот разразиться дождем. – И теперь я хотел бы надеяться, что вы не откажетесь как-нибудь приехать ко мне в Саутвуд на чашку чаю.

¹ У каждого свой вкус (*фр.*). – Здесь и далее примеч. пер.

– В данный момент я предпочла бы что-нибудь покрепче. Полезнее для нервов. Не каждый день приходится видеть, как твою собственную сестру предают огню. Как Девственницу.

– Простите, я не совсем...

– Как Жанну д'Арк.

– У меня дома есть херес, но беда в том, что я очень далеко живу, так что, может быть...

– Зато я живу недалеко, во всяком случае, в северной части города, – сказала тетушка решительным тоном, – и у меня есть все, что нам требуется.

И, не дожидаясь моего согласия, она остановила такси. Так началось первое и, пожалуй, самое памятное путешествие из тех, что мне предстояло совершить вместе с тетушкой.

Глава 2

Я не ошибся в прогнозе погоды. Полил дождь, и я целиком погрузился в мысли о брошенном саде. На мокром асфальте люди раскрыли зонтики и спешили укрыться в дверях ближайших пивных баров, магазинов и кафе. Дождь на окраине Лондона почему-то ассоциируется у меня с воскресеньем.

– Чем ты так озабочен? – спросила тетя Августа.

– Я сделал непростительную глупость – оставил газонокосилку в саду и ничем ее не укрыл.

В глазах тетушки я не прочел сочувствия.

– Забудь ты про свою газонокосилку, – сказала она. – Не странно ли, что мы с тобой встречаемся только на религиозных церемониях? В последний раз я тебя видела на твоих крестинах. Меня не пригласили, но я пришла. – Тут она усмехнулась. – Как злая фея.

– Почему же вас не пригласили?

– Я слишком много знала. Про них обоих. А ты, я помню, был какой-то чересчур тихий. В тихом омуте, между прочим, черти водятся... Все еще водятся? Не вывелись? Только не перепутайте! – обратилась она к шоферу. – Нам нужна площадь. Не бульвар, не тупик, не переулок. Именно площадь.

– Я не знал, что вы были в ссоре с моими родителями. Ваша фотография хранилась в семейном альбоме.

– Только для проформы, – сказала тетушка и вздохнула, взметнув душистое облачко пудры. – Твоя мать была святая женщина. По-настоящему ее должны были бы похоронить во всем белом. Как Девственницу, – снова повторила она.

– Я не совсем понимаю... Какая же она девственница? Я ведь, грубо говоря, откуда-то взялся?

– Ты сын своего отца. Не матери.

Я был достаточно взволнован уже утром. Ожидание похорон действовало на меня возбуждающе, и, не будь это похороны моей матери, весь эпизод можно было бы рассматривать как развлечение на фоне моей размеренной пенсионерской жизни: я как бы снова возвращался в те дни, когда слу-

жил в банке и провожал в последний путь столь многих достойных клиентов. Но такой встряски я предвидеть не мог. Вскользь брошенная тетушкой фраза повергла меня в смятение. Говорят, лучшее лекарство от икоты – неожиданный испуг. Я убедился, что внезапный испуг может, напротив того, вызвать икоту. Икая, я попытался выразить свое недоумение.

– Я же тебе сказала: твоя названная мать была просто святая. Видишь ли, та девушка отказалась стать женой твоего отца, который жаждал – если вообще к нему применимо столь энергичное выражение – загладить свою вину и поступить, как подобает джентльмену. И тогда моя сестра покрыла ее грех и сама вышла за твоего отца – он был человек слабовольный. Потом несколько месяцев она подкладывала себе подушки – чем дальше, тем толще. И никто ничего не заподозрил. Она их даже на ночь не снимала и до того оскорбилась, когда однажды твой отец стал домогаться ее любви – после свадьбы, но еще до твоего рождения, – что и потом, когда ты благополучно появился на свет, она по инерции отказывалась признавать, выражаясь церковным языком, его супружеские права. Впрочем, не тот он был человек, чтобы их отстаивать.

Продолжая икать, я откинулся на спинку сиденья. Говорить я все равно не мог. Мне вспомнилось беспокойство матери, непрестанные поиски, погоня за отцом... Что заставляло ее взбираться по строительным лесам – ревность или

опасение, что снова много месяцев она должна будет ходить обремененная подушками?

– Нет-нет, вы не туда едете. Это бульвар, а нам надо площадь, – сказала тетушка шоферу.

– Так, значит, налево, мэм?

– Нет, направо. Налево тупик. Ты не должен воспринимать это так трагически, Генри, – продолжила она, обращаясь ко мне. – Моя сестра, твоя приемная мать – условимся называть ее так, – была человек в высшей степени благородный.

– А мой – ик – отец?

– Слегка кобель, как большинство мужчин. Может быть, это лучшее, что в них есть. Надеюсь, и в тебе имеется частичка этого качества.

– Не ду – ик – не думаю.

– Со временем проявится. Не зря же ты сын своего отца. Между прочим, верное средство от икоты – выпить воды с дальнего края стакана. Стакан можно изобразить рукой, воду наливать не обязательно.

Я сделал медленный глубокий вдох и спросил:

– Тетя Августа, а кто была моя мать?

Но тетушка уже отвлеклась от предмета нашего разговора и препиралась с шофером:

– Вы опять не туда заехали. Это тупик.

– Но вы ведь сказали «направо», мэм.

– Тогда прошу прощения. Я вечно путаю право и лево.

Вот на море я ориентируюсь хорошо. Левый борт я всегда отличаю по цвету: там, где красный, там лево. Вам надо было взять лево на борт, а не право на борт.

– Что я вам, лоцман, мэм?

– Ничего страшного. Возвращайтесь туда, откуда свернули, и начнем сначала. Всю вину я беру на себя.

Наконец мы остановились перед каким-то рестораном или баром.

– Если вам в «Корону и якорь», надо было так и сказать, – пробурчал шофер.

– Генри, перестань икать хоть на минуту, – сказала тетушка.

– Ик, – только и мог вымолвить я в ответ.

– На счетчике шесть шиллингов шесть пенсов, – сообщил шофер.

– Округлим до семи, – сказала тетушка. – Генри, пока мы не вошли в дом, я хочу тебя предупредить: меня во всем белом хоронить неуместно.

– Но ведь вы не были замужем, – скороговоркой выпалил я, стараясь опередить икоту.

– На протяжении последних шестидесяти с лишним лет у меня всегда был друг, – сказала тетушка и затем, очевидно заметив мой недоумевающий взгляд, добавила: – Возраст, Генри, не убивает чувств – он их лишь несколько видоизменяет.

Но даже этого предупреждения оказалось недостаточно:

я не был готов к тому, что мне предстояло увидеть. Служба в банке приучила меня не выказывать удивления – даже когда клиент запрашивал ссуду, значительно превышающую его кредит. Я положил себе за правило не задавать вопросов и не слушать никаких объяснений. Клиенту либо давали ссуду, руководствуясь его платежеспособностью, либо отказывали. Может быть, читатель укорит меня за некоторую негибкость характера, но тут следует принять во внимание, что в течение долгих лет, вплоть до ухода на пенсию, сам род моих занятий держал меня в жестких рамках. А для те-тушки, как мне вскоре довелось убедиться, никаких рамок не существовало никогда, и объяснять больше того, что она объяснила, она почитала излишним.

Глава 3

Здание «Короны и якоря» напоминало банк в георгианском стиле. Сквозь окна бара я разглядел толпу мужчин с холеными усами, в твидовых куртках для верховой езды, с разрезом сзади, – они окружали молодую девушку в галифе. Подобного рода клиентам я бы остерегся ссужать деньги в кредит: доверия они не внушали, и было не похоже, чтобы кто-то из них – разве что девушка – ездил верхом. Все они пили пиво, и у меня сложилось впечатление, что их наличность – если таковая имеется – уходит на портных и парикмахеров, а не на конный спорт. Многолетний банковский опыт научил

меня, что обшарпанный потребитель виски предпочтительнее и надежнее, чем хорошо одетый потребитель пива.

Мы вошли через боковую дверь. Тетушкины комнаты находились на третьем этаже, а на площадке второго стояла небольшая кушетка, которую тетушка, как я потом узнал, купила специально для того, чтобы отдыхать по дороге наверх. Это было очень характерно для ее широкой натуры – купить кушетку, едва вмещающуюся на лестничной площадке, а не обычный стул.

– Я всегда здесь присаживаюсь перевести дух. Посиди и ты, Генри. Тут очень крутая лестница, впрочем, в твоем возрасте этого, наверное, еще не замечаешь. – Она оглядела меня критически. – С прошлого раза ты сильно изменился, только волос у тебя, пожалуй, не прибавилось.

– Волосы были, просто выпали, – объяснил я.

– А мои все при мне. По колено, как в молодости. – Она помолчала и, к моему удивлению, добавила: – Рапунцель, Рапунцель, распусти волосы... Впрочем, с третьего этажа до земли все равно не распустишь.

– Вас не беспокоит шум из бара?

– Нет, нисколько. И вообще удобно, когда бар под рукой. Если выпивка кончится, Вордсворт может в два счета сбегать.

– Кто такой Вордсворт?

– Я зову его по фамилии – терпеть не могу его имя, Захарий. Всем старшим сыновьям в их роду по традиции дают

имя Захарий, в честь Захария Маколей², который так много сделал для них в Клапам-Коммон. А фамилия у них в честь епископа – не поэта.

– Он что, ваш слуга?

– Скажем так: он оказывает мне услуги. Очень добрый, милый, сильный человек. Но только не позволяй ему просить дашбаш. Он получает от меня достаточно.

– А что такое дашбаш?

– Так называются чаевые и вообще любые подарки в Сьерра-Леоне – Вордсворт жил там в детстве, во время войны. Так мальчишки называли и сигареты, которыми их щедро одаривали иностранные моряки.

Я не поспевал за лавиной тетушкиной речи и поэтому оказался не вполне подготовленным к появлению огромного пожилого негра в полосатом, как у мясника, фартуке, который открыл дверь в ответ на тетушкин звонок.

– Что я вижу, Вордсворт, ты уже моешь посуду? Позавтракал, не дожидаясь меня? – сказала тетушка довольно кокетливо.

Негр стоял, грозно глядя на меня в упор, и я подумал, не потребует ли он дашбаш, прежде чем впустить меня внутрь.

– Вордсворт, это мой племянник, – сказала тетушка.

– Женщина, ты говоришь мне правду?

– Ну конечно. Ох, Вордсворт, Вордсворт! – добавила тетушка с шутливой укоризной.

² Маколей, Захарий – английский филантроп, противник рабства.

Вордсворт дал нам пройти. В гостиной горел свет, так как уже стемнело, и я был буквально ослеплен блеском стеклянных безделушек, заполнявших все свободное пространство: на буфете ангелочки в полосатых одеждах, похожие на мятные леденцы; в нише мадонна в голубом одеянии, с позолоченным лицом и золотым нимбом. На серванте на золотой подставке стояла огромная темно-синяя чаша, вмещающая по меньшей мере четыре бутылки вина. Нижняя часть ее была украшена позолоченной решеткой, перевитой пунцовыми розами и зеленым плющом. С книжных шкафов смотрели на меня розовые аисты, красные лебеди и голубые рыбки. Черные девушки в алых туниках поддерживали зеленые канделябры, а наверху сверкала люстра, будто сделанная из сахарной глазури и увешанная бледно-голубыми, розовыми и желтыми цветами.

– Венеция когда-то значила для меня очень много, – сказала тетушка, хотя это было и так очевидно.

Я не берусь судить об искусстве, но все то, что я видел, производило впечатление чего-то очень аляповатого.

– Удивительная работа, – сказала тетушка. – Вордсворт, будь душенькой, принеси нам две порции виски. Августе грустно после грустных-грустных похорон.

Она говорила с ним, будто перед ней был ребенок... или любовник, но последнюю версию я еще не готов был принять.

– Все о'кей? – спросил Вордсворт. – Сглаза не было?

– Все прошло без помех. О господи, Генри, ты не забыл свой пакет?

– Нет, нет, он здесь.

– Тогда пусть Вордсворт положит его в холодильник.

– В этом нет необходимости, тетушка. Прах не портится.

– Да, конечно, как это я сморозила такую глупость. Но все же будет лучше, если Вордсворт отнесет пакет в кухню. Мне бы не хотелось, чтобы он все время напоминал о бедной моей сестре. Идем, я покажу тебе свою спальню. Там бóльшая часть моих венецианских сокровищ.

Тетушка не обманула меня. Там была целая коллекция. Туалетный столик так и сверкал. Чего там только не было: зеркала, пудреницы, пепельницы, чашечки для английских булавок.

– Они вносят веселье и в самый мрачный день, – сказала тетушка.

В комнате стояла огромная двуспальная кровать в таких же причудливых завитушках, как и стекло.

– Особые узы привязывают меня к Венеции, – пояснила тетушка, – именно там началась моя профессиональная карьера и мои путешествия. Я всегда очень любила путешествия, и мне ужасно жаль, что нынче они сократились.

– Возраст настигает нас не спрашивая, – сказал я.

– Возраст? Я не это имела в виду. Надеюсь, я еще не превратилась в развалину, но для путешествий мне нужен спутник. Вордсворт сейчас очень занят – он готовится в Лондон-

скую школу экономики. А тут гнездышко Вордсворта, – сказала она, открывая дверь в соседнюю комнату.

Комната была уставлена стеклянными фигурками диснеевских персонажей и, что хуже всего, фигурками ухмыляющихся мышей, кошек, зайцев из низкопробных американских мультфильмов, однако выдутых с той же тщательностью, что и люстра.

– Это тоже Венеция, – заявила она. – Хорошо сделано, хотя не так изящно. Но мне кажется, это больше подходит для мужской комнаты.

– Ему они нравятся?

– Он мало здесь бывает. Занятия и другие дела...

– Не хотел бы я видеть это перед глазами, когда утром просыпаюсь.

– Он редко здесь просыпается...

Тетушка повела меня обратно в гостиную, где Вордсворт уже поставил на стол три стакана венецианского стекла с золотым ободком и кувшин с водой, весь в мраморных цветных разводах. Бутылка с черной наклейкой была единственным нормальным предметом и потому неуместным, как неуместен человек в смокинге на маскараде. Сравнение это тут же пришло мне в голову, так как я несколько раз оказывался в подобной неловкой ситуации из-за своей глубоко укоренившейся нелюбви к маскарадным костюмам.

Вордсворт сказал:

– Телефон как черт говорил все время, пока вас тут не

было. Вордсворт сказал им, она ушла на очень важный похороны.

– Как удобно, когда можно говорить правду, – заявила тетушка. – Мне никто ничего не передавал?

– Бедный Вордсворт не разбирал их чертовы слова. Не по-английски говорите, им сказал. Они сразу тогда убрались.

Тетушка налила мне гораздо больше виски, чем я привык, я попросил добавить еще воды.

– Теперь я могу сказать вам обоим, какое я чувствую облегчение оттого, что похороны прошли так гладко. Я как-то раз была на очень фешенебельных похоронах – жена известного писателя и, надо сказать, не самого верного из мужей. Это было вскоре после Первой мировой войны. Я тогда жила в Брайтоне и интересовалась фабианцами. О них я узнала от твоего отца еще молоденькой девушкой. Я пришла из любопытства пораньше и перегнулась через перильца в крематорской часовне, чтобы прочесть надписи на венках. Я была первая и потому одна в пустой часовне, наедине с гробом, утопающим в цветах. Вордсворт простит меня, он уже слышал эту историю во всех подробностях. Дай я тебе налью еще, – обратилась она ко мне.

– Нет, нет, довольно, тетя Августа. Я и так выпил больше, чем надо.

– Ну так слушай. Я, должно быть, сделала резкое движение и случайно нажала кнопку. Гроб стронулся с места, раскрылись дверцы. Я чувствовала жар печи и слышала шум

пламени. Гроб въехал внутрь, и дверцы захлопнулись. И в этот самый момент явилась вся честная компания: мистер и миссис Бернард Шоу, мистер Уэллс, мисс Несбит – это ее девичья фамилия, – доктор Хавелок Эллис, мистер Рамсей Макдоналд и сам вдовец, а священник – он, разумеется, не принадлежал ни к какой официальной церкви – вошел через дверь с другой стороны, где были перильца. Кто-то заиграл гимн Эдварда Карпентера: «Космос, о Космос, Космос имя твое», хотя гроба не было.

– И как вы поступили, тетушка?

– Я спрятала лицо в носовой платок и сделала вид, что плачу, но мне показалось, что ни один человек не заметил – кроме разве священника, но он ничем себя не выдал, – что гроб отсутствует. Вдовец-то – уж во всяком случае. Он и до этого много лет не замечал, что у него есть жена. Доктор Хавелок произнес очень трогательную речь – а может, мне это показалось: тогда я еще не окончательно перешла в католичество, хотя была уже на грани, – о благородном достоинстве прощальной церемонии, без привычного лицемерия и без риторики. И без покойника, можно было добавить с успехом. Все остались вполне довольны. Теперь тебе понятно, Генри, почему я старалась не делать лишних движений сегодня утром.

Я украдкой бросил взгляд на тетушку поверх стакана с виски. Я не знал, что ей ответить. Сказать «Как это грустно» – было бы не к месту, так как я вообще сомневался в

реальности описываемых похорон, хотя последующие месяцы заставили меня признать, что в основе своей тетушкины рассказы правдивы – она добавляла лишь мелкие детали для общей картины. Меня выручил Вордсворт: он нашел верные слова.

– Надо быть шибко осторожный, когда похороны, – сказал он. – В Менделенд – мой первый жена был менде – всегда разрезают покойник сзади и вынимают селезенка. Если селезенка большой, покойник был колдун и все смеются над семьей и уходят с похороны быстро-быстро. Так было с папа мой жена. Он умер от малярия. Эта люди совсем плохо понимают, малярия делает большой селезенка. Потом мой жена и ее мама быстро-быстро ушел Менделенд и поехал Фритаун. Не хотел терпеть, чтоб соседи злился.

– В Менделенде, должно быть, много колдунов? – спросила тетушка.

– Да, конечно, очень-очень много.

– Боюсь, мне пора идти, тетушка, – сказал я. – Меня все же очень беспокоит газонокосилка. Она совсем заржавеет под дождем.

– Ты будешь скучать без матери, Генри? – спросила меня тетушка.

– Да... естественно.

Я, откровенно говоря, об этом не думал, поскольку был занят приготовлениями к похоронам, переговорами с адвокатом матушки, управляющим банком, агентом по прода-

же недвижимости, который должен был помочь продать ее небольшой дом в северной части Лондона. Холостяку вроде меня всегда трудно придумать, как распорядиться, например, разными женскими принадлежностями. Мебель можно выставить на аукцион, но что делать с ворохом вышедшего из моды белья старой дамы, наполовину использованными баночками допотопного крема? Я спросил об этом тетюшку.

– Боюсь, у меня с твоей матерью не совпадали вкусы на одежду и даже на кольдкрем. Я бы отдала все прислуге при условии, что она заберет все, абсолютно все.

– Тетя Августа, я так рад, что мы с вами встретились. Вы ведь теперь моя единственная близкая родственница.

– Как сказать, еще неизвестно – у твоего отца бывали периоды повышенной активности.

– Моя бедная матушка... Мне, наверное, невозможно будет представить кого-то другого в этой роли.

– Тем лучше.

– В строящихся домах отец первым делом стремился обставить квартиру-образец. Я привык считать, что он иногда уходил туда поспать после обеда. Не исключено, что в одной из таких квартир я и был... – Я осекся на слове «зачат» из уважения к тетюшке.

– Лучше не гадать попусту, – сказала тетюшка.

– Я надеюсь, вы как-нибудь навестите меня и посмотрите георгины. Они сейчас в цвету.

– Непременно, Генри. Раз уж я тебя снова обрела, то легко

я тебя не отпускаю. Ты любишь путешествовать?

– У меня никогда не было такой возможности.

– Сейчас, когда Вордсворт так занят, мы могли бы с тобой разок-другой куда-нибудь съездить.

– С большой радостью, тетя Августа, – сказал я, не допуская даже мысли, что тетюшка планирует поездку дальше чем на взморье.

– Я тебе позвоню, – сказала тетюшка на прощание.

Вордсворт проводил меня до двери, и только на улице, когда я шел мимо бара, я вспомнил, что забыл у тети Августы пакет с урной. Я бы и вовсе не вспомнил, если бы девушка в галифе у открытого окна не сказала раздраженным голосом:

– Питер ни о чем, кроме своего крикета, говорить не может. Все лето одно и то же. Только и талдычит про эту хренову «урну с прахом»³.

Мне неприятно было услышать такой эпитет из уст привлекательной девушки, но слово «урна» сразу же заставило меня вспомнить о том, что я забыл в кухне останки моей бедной матушки. Я вернулся обратно. На двери я увидел несколько звонков и над каждым нечто вроде маленького микрофона. Я нажал крайнюю правую кнопку и услышал голос Вордсворта:

– Кто еще там?

– Это я, Генри Пуллинг.

³ «Урна с прахом» – кубок, присуждаемый на ежегодных соревнованиях по крикету между командами Великобритании и Австралии.

- Никого такой не знаю, такой имя не знаю.
- Я только что у вас был. Я племянник тети Августы.
- А-а, этот парень, – сказал голос.
- Я оставил у вас пакет в кухне.
- Хотите брать назад?
- Будьте любезны, если это не очень вас затруднит...

Человеческое общение, мне иногда кажется, отнимает у нас невероятно много времени. Как лаконично и по существу люди говорят на сцене или на экране, а в жизни мы мямлим и с трудом переходим от фразы к фразе, бесконечно повторяя одно и то же.

- В оберточной бумаге? – спросил голос Вордсворта.
- Да.
- Хотите, чтоб сразу получить?
- Да, если это вас не очень за...
- Очень, очень затруднит. Ждите там.

Я готовился холодно встретить Вордсворта, но он открыл дверь подъезда, дружески улыбаясь во всю физиономию.

– Прошу прощения за беспокойство, которое вам причинил, – сказал я как можно суше.

Я заметил, что на пакете нет печатей.

- Пакет кто-нибудь открывал?
- Вордсворт хотел посмотреть, что там внутри.
- Могли бы спросить у меня.
- Зачем так? Не надо обижаться на Вордсворт.
- Мне не понравилось, в каком тоне вы со мной разгова-

ривали.

– Все виноват этот рупор. Вордсворт хочет, чтоб он разные плохие слова говорил. Вордсворт там, а тут внизу голос скачет на улицу, никто не видит, что это старый Вордсворт. Это такой колдовство. Как горящий терновый куст, когда он говорит со старым Моисей. Один раз пришел священник оттуда, где церковь Святой Георгий на площади. И он сказал такой нежный голос, как проповедь: «Мисс Бертрам, могу я подняться и поговорить о нашем базаре». Говорю, конечно, приходите. Потом говорю: «Вы свой ошейник надеваете?»⁴ Да, говорит, конечно, надеваю. А это кто, спрашивает. А я говорю: «Намордник тоже надевайте, когда сюда идете».

– И что он на это сказал?

– Он совсем ушел и больше не явился. Ваша тетя умер со смеху. Вордсворт ничего плохой не думал. Этот чертов рупор попутал старик Вордсворт.

– Это правда, что вы собираетесь поступать в Лондонскую школу экономики?

– Это ваша тетя шутка говорит. Я работал кинотеатр «Гренада-палас». Форма красивый, как генерал. Ваша тетя любил мой форма. Она остановился и говорит: «Ты, случайно, не император Джонс?» Нет, говорю, мэм, я только старый Вордсворт. «О! – говорит она. – Дитя, ты диво! Пляши вокруг меня и пой, мой пастушок счастливый!» Пишите это для меня, потом говорю. Это красивый песня. Вордсворт нравится.

⁴ Имеется в виду жесткий воротник священнослужителя.

Теперь ее много-много раз говорю. Теперь совсем хорошо знаю, как гимн.

Я был немного смущен его словоохотливостью.

– Ну, хорошо, Вордсворт, – сказал я. – Спасибо вам за все хлопоты, и надеюсь, еще встретимся.

– Этот очень важный пакет? – вдруг спросил он.

– Для меня – да.

– Тогда надо магарыч давать старый Вордсворт.

– Магарыч?

– Дашбаш.

Я вспомнил предупреждение тетушки и быстро ушел.

Как я и предполагал, моя новая газонокосилка была вся мокрая. Прежде чем приняться за другие дела, я ее насухо протер и смазал маслом. Потом сварил себе два яйца и сделал чай. Мне было над чем поразмыслить. Мог ли я принять на веру тетушкины слова и если да, то кто же в таком случае моя мать? Я попытался вспомнить подруг матери, но какой в этом толк? Все равно дружба должна была оборваться до моего рождения. А если она была мне только названной матерью, хочу ли я, чтобы прах ее покоился среди моих георгинов? Пока я мыл посуду после завтрака, я еле удерживался от желания вытряхнуть содержимое урны в раковину и вымыть ее. В урне можно было бы хранить домашний джем – я дал себе слово заняться варкой варенья в следующем году, считая, что пенсионеру необходимо иметь хобби, если он не хочет быстро состариться, да и урна будет совсем непло-

хо выглядеть на чайном столе. Она, правда, немного мрачновата, но темный кувшин подойдет для желе из чернослива или черносмородиночного варенья с яблоками. Я чуть не осуществил свое намерение, но вспомнил, как добра по-своему была ко мне моя строгая мать, когда я был маленьким. И где доказательство того, что тетушка говорит правду? Я пошел в сад и выбрал место среди георгинов, где можно будет устроить постамент.

Глава 4

Я полол георгины – «Золотой лидер», «Полярная красавица», «Реквием», – когда зазвонил телефон. Непривычный к его звуку, нарушившему тишину моего маленького сада, я решил, что кто-то набрал неверный номер. Друзей у меня почти не было, хотя до ухода в отставку я тешил себя мыслью, что у меня масса знакомых. Даже клиенты двадцатилетней давности, знавшие меня еще клерком в том же отделении банка, затем кассиром и, наконец, управляющим, так и остались добрыми знакомыми, не более. Редко бывает, чтобы управляющего выдвигали свои же сослуживцы, которыми волей-неволей ему придется руководить. В моем случае, однако, сыграли роль особые обстоятельства. Я почти год исполнял обязанности управляющего, так как мой предшественник на этом посту тяжело заболел. Среди моих клиентов был один очень влиятельный вкладчик, который про-

никся ко мне симпатией. Он грозился вынуть вклады, если меня не оставят на этой должности. Звали его сэр Альфред Кин. Он составил себе состояние на цементе, а тот факт, что мой отец был строителем, выявил общность наших интересов и сблизил нас. Обычно трижды в году он приглашал меня на обед и всегда советовался со мной в отношении своих денежных бумаг, хотя ни разу не воспользовался моими советами. Он говорил, что они помогают ему принять собственное решение. У него была незамужняя дочь Барбара, которая занималась плетением кружев, скорее всего для церковных благотворительных базаров. Со мной она была неизменно мила и любезна, и матушка считала, что мне бы следовало уделить ей должное внимание, поскольку она, безусловно, унаследует деньги сэра Альфреда. Мотив, выдвигаемый матушкой, казался мне непорядочным, да и вообще, надо сказать, я мало интересовался женщинами. Банк целиком поглощал мою жизнь, как сейчас поглощали георгины.

К несчастью, сэр Альфред скончался незадолго до моего ухода на пенсию, а мисс Кин переехала жить в Южную Африку. Естественно, что я принимал самое горячее участие во всех ее непростых хлопотах, связанных с переводом на нее вкладов и бумаг: я запрашивал Английский банк, когда требовалось добиться нужного разрешения, и напоминал о том, что до сих пор не получил ответа на письмо от 9-го числа сего месяца. В последний свой вечер в Англии, перед тем как отправиться в Саутгемптон, где она должна была сесть на па-

роход, мисс Кин пригласила меня на обед. Это был грустный обед без сэра Альфреда, человека живого и веселого, который безудержно хохотал над собственными остротами. Мисс Кин попросила меня позаботиться о вине, и я выбрал амонтильяд, а к обеду шамбертен – любимое вино сэра Альфреда. У них был большой особняк, типичный для Саутвуда, с кустами рододендронов вокруг дома. В тот вечер кусты были мокрые, и с них капало от мелкого, зарядившего надолго ноябрьского дождя. Над обеденным столом, как раз над тем местом, где всегда сидел сэр Альфред, висела картина кисти Вандервельде, изображающая рыбацкую лодку в шторм, и я выразил надежду, что морское путешествие мисс Кин окажется не столь бурным.

– Я продала дом целиком, как есть, со всей мебелью, и буду жить у моих дальних родственников, – сказала мисс Кин.

– Вы хорошо их знаете?

– Ни разу не видела. Родство очень далекое. Мы иногда обменивались письмами. Марки на конвертах у них как заграничные. Без королевы.

– Зато у вас будет много солнца, – сказал я.

– А вам приходилось бывать в Южной Африке?

– Нет, я редко выезжал за пределы Англии. Однажды в юности я поехал в Испанию со школьным приятелем, но мой желудок не вынес моллюсков, а может, дело было в оливковом масле.

– Мой отец был натурой очень властной. У меня никогда

не было друзей, я хочу сказать, за исключением вас, мистер Пуллинг.

Мне до сих пор удивительно – в тот вечер я был так близок к тому, чтобы сделать предложение, и, однако, что-то меня удержало. Интересы наши все же различались – плетение кружев и выращивание георгинов не имеют ничего общего, если только не считать и то и другое занятием довольно одиноких людей. В то время слухи о готовящемся крупном слиянии банков уже дошли до меня. Отставка была неминуема, и я понимал, что дружеские связи, которые установились у меня с моими клиентами, долго не продлятся. А если б я отважился и сделал предложение, приняла бы его мисс Кин? Вполне возможно. По возрасту мы подходили друг другу: ей было около сорока, а я через пять лет готовился разменять шестой десяток, и, кроме того, я знал, что матушка одобрила бы мой поступок. Все могло сложиться совсем иначе, заговори я тогда. Я бы никогда не услышал историю о моем появлении на свет, так как со мной на похоронах была бы мисс Кин, а в ее присутствии тетушка не захотела бы рассказывать. И я бы никогда не пустился путешествовать с тетушкой. Я был бы от многого избавлен, но, как водится, многое бы и потерял.

Мисс Кин сказала:

– Я буду жить около Коффифонтейна⁵.

– А где это?

⁵ Коффифонтейн – небольшой город в центральной части ЮАР.

– Я плохо себе представляю.

– Прислушайтесь! Льет как из ведра.

Мы поднялись и перешли в гостиную, где был накрыт столик для кофе. На стене висел венецианский пейзаж, копия Каналетто.

Все картины в доме были изображением чужих стран, и мисс Кин уезжала в Коффифонтейн. Я знал, мне никогда не выбраться так далеко, и, помню, мне захотелось, чтобы она осталась в Саутвуде.

– Путь туда, должно быть, не близкий, – сказал я.

– Если бы хоть что-нибудь держало меня здесь... Сколько вам кусков сахара? Один или два?

– Спасибо, я пью без сахара.

Была ли это попытка вызвать меня на откровенный разговор? Я потом не раз задавал себе этот вопрос. Я не любил ее, и она, очевидно, тоже не испытывала ко мне горячих чувств, но мы, возможно, и могли бы как-то устроить совместную жизнь. Через год я получил от нее весточку. Она писала: «Дорогой мистер Пуллинг, я все думаю, как там у вас в Саутвуде и идет ли там дождь. У нас тут зима, очень красивая и солнечная. У моих родственников здесь небольшая (!) ферма, десять тысяч акров, и им ничего не стоит проехать сотни миль, чтобы купить барана. Ко многому я еще не привыкла и часто вспоминаю Саутвуд. Как ваши георгины? Я совсем забросила кружева. Мы проводим много времени на свежем воздухе».

Я ответил ей и сообщил все новости, какие знал, хотя в это время я уже успел уйти в отставку и больше не был в центре саутвудской жизни. Я написал ей о матушке, о том, что здоровье ее сильно сдает, и еще писал о георгинах. У меня был сорт довольно мрачных темно-пурпурных георгинов под названием «Траур по королю Альберту», который так и не прижился. Я не очень об этом сожалел, так как не одобрял саму идею дать такое странное название цветку. Зато мой «Бен Гур» цвел всюду.

Я не откликнулся на телефонный звонок, будучи уверен, что это ошибка, но, поскольку телефон продолжал звонить, я оставил георгины и пошел в дом.

Телефон стоял на бюро, где хранились счета и вся переписка, связанная со смертью матушки. Я никогда не получал такого количества писем с тех пор, как ушел с поста управляющего: письма от адвоката, письма от гробовщика и из налогового управления, крематорские счета, врачебные счета, бланки государственной медицинской службы и даже несколько писем с соболезнованиями. Я вновь почувствовал себя почти деловым человеком.

Послышался голос тетушки:

– Почему ты так долго не отвечал?

– Возился в саду.

– Кстати, как твоя газонокосилка?

– Была мокрая, но, к счастью, все поправимо.

– Я хочу рассказать тебе потрясающую историю – ко мне

после твоего ухода нагрянула полиция.

– Нагрянула полиция?

– Да, слушай внимательно. Они могут заявиться и к тебе тоже.

– Боже, с какой стати?

– Прах матери все еще у тебя?

– Конечно.

– Дело в том, что они захотят на него взглянуть. Они могут взять его на анализ.

– Но, тетя Августа, объясните мне толком, что же произошло?

– Я и пытаюсь это сделать, но ты без конца прерываешь меня ненужными восклицаниями. Произошло это в полночь. Мы с Вордсвортом уже легли. Хорошо, что на мне была моя самая нарядная ночная рубашка. Они позвонили снизу и сообщили в микрофон, что они из полиции и что у них имеется ордер на обыск моей квартиры. Я сразу же спросила, что их интересует. Знаешь, Генри, в первый момент мне пришло в голову, что это какая-то расистская акция. Сейчас столько законов одновременно и за и против расизма, что никому не под силу в них разобраться.

– А вы уверены, что это были полицейские?

– Я, конечно, попросила их предъявить ордер. Но кто знает, как он выглядит? Они с таким же успехом могли предъявить читательский билет в библиотеку Британского музея. Я ихпустила, но только потому, что они были очень веж-

ливы, а один из них, тот, что в форме, был высокий и красивый. Их почему-то поразил Вордсворт или скорее всего цвет его пижамы. Они спросили: «Это ваш муж, мэм?» На что я им ответила: «Нет, это Вордсворт». Мне показалось, что имя заинтересовало одного из них – молодого человека в форме, – и он потом все время исподтишка посматривал на Вордсворта, будто старался что-то припомнить.

– Что же они искали?

– К ним поступили сведения, как они сказали, что в доме хранятся наркотики.

– Тетя Августа, а вы не думаете, что Вордсворт?..

– Нет, не думаю. Они соскоблили пыль со швов у него в карманах, и тут стало ясно, зачем они пожаловали. Они спросили у него, что было в пакете из оберточной бумаги, который он передал человеку, слонявшемуся по улице. Бедняжка Вордсворт ответил, что не знает, но тут вклинилась я и сказала, что это прах моей сестры. Не пойму почему, но они тут же начали подозревать и меня тоже. Старший, который в штатском, сказал: «Мэм, оставьте этот легкомысленный тон. Как правило, он делу не помогает». Я ему ответила: «Может быть, мне изменяет чувство юмора, но я не вижу ничего легкомысленного в прахе моей покойной сестры». «Порошочек, мэм?» – спросил тот, что помоложе и, очевидно, посметливее, – это ему показалось знакомым имя Вордсворта. «Если угодно, можно и так называть, – сказала я. – Серый порошок, человеческий порошок», после чего они погляде-

ли на меня, будто напали на след. «А кто этот человек, которому передали пакет?» – спросил тот, что в штатском. Я сказала, что это мой племянник, сын моей сестры. Я не считала нужным посвящать представителей лондонской полиции в ту давнюю историю, которую я тебе рассказала. Затем они попросили дать им твой адрес, и я дала. Тот, что посмекалистее, поинтересовался, для чего тебе нужен порошок. Он спросил: «Для личного употребления?» И я ему сказала, что ты собираешься поместить урну с прахом у себя в саду среди георгинов. Они самым тщательнейшим образом все обыскали, особенно комнату Вордсворта, и забрали с собой образчики всех его сигарет, а заодно и мои таблетки аспирина, которые лежали приготовленные на ночь на столике у кровати. Потом они очень вежливо пожелали мне спокойной ночи и удалились. Вордсворту пришлось спуститься, чтобы закрыть за ними дверь. Внизу смекалистый вдруг спросил у Вордсворта, какое у него второе имя. Вордсворт сказал «Захарий», и тот ушел с недоумевающим видом.

– Странная история, – сказал я.

– Они даже прочитали некоторые из моих писем и спросили, кто такой Абдул.

– А кто он?

– Человек, с которым меня связывает очень давнее знакомство. К счастью, сохранился конверт со штампом: «Тунис, февраль, 1924 год». Иначе они истолковали бы все как относящееся к настоящему моменту.

– Я вам сочувствую, тетя Августа. Представляю, какое это было ужасное испытание для вас.

– В некотором роде это было даже забавно. Но у меня почему-то появилось ощущение вины...

Раздался звонок в дверь. Я сказал:

– Подождите минуту, тетя Августа, не вешайте трубку.

Я пошел в столовую и, взглянув в окно, увидел полицейский шлем. Я вернулся к телефону.

– Ваши друзья уже здесь, – сказал я.

– Так быстро?

– Я позвоню, как только они уйдут.

Впервые в жизни я удостоился визита полиции. Их было двое. Один невысокий, средних лет, с простоватым добродушным лицом и сломанным носом. На голове у него была фетровая шляпа. Второй был красивый высокий молодой человек в полицейской форме.

– Вы мистер Пуллинг? – спросил детектив.

– Именно так.

– Вы не разрешите нам зайти на минуту?

– У вас есть ордер?

– Нет, что вы. До этого еще не дошло. Нам бы хотелось кое-что спросить у вас.

У меня вертелся на языке ответ о гестаповских приемах, но я решил, что разумнее промолчать. Я провел их в столовую, но сесть не предложил. Детектив показал мне удостоверение, из которого я узнал, что передо мной сержант сыск-

ной полиции Джон Спарроу.

– Вам знаком человек по имени Вордсворт?

– Да, это друг моей тетушки.

– Вы вчера получили из его рук пакет в оберточной бумаге?

– Совершенно верно.

– Вы не будете возражать, если мы обследуем этот пакет?

– Безусловно буду.

– Как вы, наверное, догадываетесь, сэр, мы с легкостью могли бы получить ордер на обыск, но нам хотелось все сделать как можно деликатнее. Давно вы знаете этого Вордсворта?

– Вчера видел впервые.

– А не могло так быть, сэр, что он попросил вас об одолжении – куда-то доставить пакет, а вы, зная, что он в услужении у вашей тетушки, не заподозрили в этом ничего дурного и...

– Не понимаю, о чем вы говорите. Это мой пакет. Я забыл его в кухне...

– Это ваш пакет? Вы это признаете?

– Вы прекрасно знаете, что в этом пакете. Тетушка вам сказала. Это урна с прахом моей матери.

– Ваша тетушка уже успела позвонить вам?

– Да, как видите. А чего вы, собственно, ожидали? Поднять с постели старую даму посреди ночи...

– Двенадцать только пробило, сэр, когда мы пришли.

Итак, этот прах... Это прах миссис Пуллинг?

– Именно так. Можете убедиться сами. Пакет на книжном шкафу.

Пока я не подготовил клумбу, я временно поставил урну на шкаф, как раз над полкой с собранием сочинений сэра Вальтера Скотта, которое досталось мне в наследство от отца. Несмотря на свою лень, отец был страстным книгочеем, причем библиотека его не отличалась большим разнообразием. Отца вполне устраивало быть обладателем книг нескольких любимых авторов. К тому времени, когда он кончал собрание Вальтера Скотта, он успевал забыть содержание первых томов и с удовольствием принимался в очередной раз за «Гая Мэннеринга». Помимо Скотта, у него было полное собрание Мэриона Кроуфорда и поэзия девятнадцатого века – Теннисон, Вордсворт, Браунинг и «Золотая сокровищница» Палгрейва. Отец очень любил этих поэтов и свою любовь передал мне.

– Если вы не возражаете, я взгляну, что там внутри, – сказал детектив, но урну оказалось не так просто открыть.

– Она запечатана клейкой лентой, – заявил он.

– Ничего удивительного. Даже коробка печенья...

– Мне бы хотелось взять пробу на анализ.

Я уже начал злиться и потому сказал раздраженным тоном:

– Не думайте, что я позволю вам проделывать какие-то манипуляции с прахом моей несчастной матери в вашей по-

лицейской лаборатории...

– Я разделяю ваши чувства, сэр, – сказал он. – Но у нас есть серьезные улики. Мы взяли пыль с карманных швов у этого Вордсворта и при анализе обнаружили травку.

– Травку?

– Марихуану, чтобы вам было понятнее. По-французски cannabis – конопля.

– Но какое отношение имеет пыль из карманов Вордсворта к праху моей матери?

– Нам ничего бы не стоило, сэр, получить ордер, но, учитывая то обстоятельство, что вы могли стать невинной жертвой обмана, я бы предпочел с вашего разрешения взять ненадолго урну. На суде так будет выгоднее для вас.

– Но вы можете навести справки в крематории. Похороны состоялись только вчера.

– Мы уже навели, но, видите ли, сэр, вполне возможно, что этот Вордсворт – но только не думайте, что я беру на себя смелость навязывать вам линию поведения при защите, – выбросил прах вашей матери и заменил его марихуаной. Не исключено, что он знал, что за ним следят. Мне кажется, со всех точек зрения для вас лучше будет удостовериться, что это действительно прах вашей матери. Тетушка ваша сказала, что вы собираетесь хранить его у себя в саду, и вряд ли вам будет приятно каждый день смотреть на урну и задавать себе один и тот же вопрос: что это – прах дорогой для вас усопшей или незаконная партия марихуаны?

У него была благожелательная манера говорить, и постепенно я начал проникаться его доводами.

– Мы возьмем только крошечную щепотку, сэр, меньше чайной ложки. И я обещаю вам отнестись к останкам со всем должным уважением.

– Ну хорошо, берите вашу щепотку. Насколько я понимаю, вы исполняете свой долг.

Молодой полицейский непрерывно что-то писал. Детектив сказал ему:

– Отметьте, что мистер Пуллинг всячески старался помочь и добровольно передал нам урну. Это будет свидетельство в вашу пользу на суде, сэр, если худшему суждено свершиться.

– Когда я получу урну назад?

– Самое позднее – завтра, если все будет в порядке, конечно.

Он дружески пожал мне руку, словно не сомневался в моей невиновности, но вполне возможно, что это был просто профессиональный прием.

После их ухода я сразу же бросился звонить тетушке.

– Они забрали урну, – сказал я. – Они думают, там марихуана вместо праха матушки. А где Вордсворт?

– Он ушел после завтрака и еще не возвращался.

– Они обнаружили марихуану в пыли, накопившейся в швах его карманов.

– О господи, какое непростительное легкомыслие. Бедный

мальчик, он был, мне кажется, немного расстроен. Попросил у меня дашбаш перед уходом.

– И вы ему дали?

– Видишь ли, Генри, я все-таки искренне к нему привязана, а кроме того, он сказал, что у него день рождения. В прошлом году мы никак не отметили его день рождения, так что я дала ему двадцать фунтов.

– Двадцать фунтов! Я, например, не держу в доме такой суммы.

– Это даст ему возможность добраться до Парижа. Мне кажется, он как раз успеет на «Золотую стрелу», а паспорт всегда у него с собой – он его носит на случай, если потребуются доказать, что он не иммигрант без права проживания. Знаешь, Генри, мне самой тоже очень захотелось немного подышать морским воздухом.

– В Париже вам его не найти.

– Я вовсе не думаю о Париже. Я думаю о Стамбуле.

– Но Стамбул не на море.

– Напрасно ты так считаешь. Какое-то море там есть, называется Мраморное.

– Почему вдруг Стамбул?

– Мне напомнило о нем письмо от Абдула, которое нашла полиция. Странное совпадение. Сначала то письмо, а сегодня с утренней почтой пришло второе – впервые после большого перерыва.

– От Абдула?

– Да.

Я проявил слабость, но тогда я еще не сознавал всей глубины тетушкиной страсти к путешествиям. Знай я это, я бы подумал, прежде чем сделать свое роковое заявление: «Никаких особых дел у меня на сегодня нет. И если хотите поехать в Брайтон...»

Глава 5

Брайтон был первым настоящим путешествием, которое я совершил в обществе моей тетушки и которое, как оказалось, стало весьма причудливым прологом грядущих событий.

Мы приехали ранним вечером, так как решили переночевать в гостинице. Меня удивил размер тетушкиного багажа, состоящего из небольшого чемоданчика белой кожи для косметики и туалетных принадлежностей, *baise en ville*⁶, как выражалась тетушка.

Что касается меня, то я плохо себе представляю, как можно уехать хотя бы на сутки без довольно тяжелого чемодана. Я чувствую себя неуютно, если у меня нет с собой второго костюма, чтобы переодеться, и пары туфель к нему. Мне всегда необходимо иметь в запасе свежую рубашку, смену белья, чистые носки, и, кроме того, принимая во внимание

⁶ На случай любовного свидания (*фр.*).

капризы нашего английского климата, я предпочитаю захватить на всякий случай еще и шерстяной свитер.

Взглянув на мой чемодан, тетушка объявила:

– Придется брать такси. А я-то надеялась, что мы прогуляемся пешком.

Я заранее заказал номера в «Королевском Альбионе», так как тетушке хотелось быть поближе к Дворцовому Молу и Олд-Стину. Она сказала мне – думаю, совершенно безосновательно, – что Олд-Стин назван так в честь порочного маркиза из «Ярмарки тщеславия». «Мне нравится находиться в самом центре этой чертовщины, – заявила она. – И автобусы отсюда черт знает куда идут». Она говорила так, будто конечные пункты их следования были не Льюис и Петчем, не Литлгемптон и Шорэм, а в лучшем случае Содом и Гомора. Очевидно, она впервые приехала в Брайтон совсем еще юной, полной надежд, которые, боюсь, отчасти осуществились.

Я мечтал о ванне, стакане хереса и тихом уютном обеде в гриль-баре. Я думал, мы рано ляжем, чтобы хорошенько выспаться и отдохнуть перед утренней прогулкой по набережной и прилегающим улочкам, которая потребует от нас большой затраты физических сил, но тетушка взбунтовалась.

– Мы не будем обедать раньше чем через два часа, – сказала она. – Прежде всего я хочу, чтобы ты познакомился с Хэтти, если она еще жива.

– Кто такая Хэтти?

– Мы когда-то работали с ней вместе с человеком по имени Карран.

– Сколько лет назад это было?

– Лет сорок, а то и больше.

– Тогда вряд ли...

– Но я-то ведь здесь, – сказала она тоном, не допускающим возражений. – К тому же в позапрошлом году я получила от нее рождественскую открытку.

Вечер был свинцово-серый, в спину нам задувал ветер со стороны Кемп-Тауна. Вода прибывала, и волны, откатываясь, ворошили и шлифовали гальку. Экс-президент Нкрума смотрел на нас с витрины мастерской, где изготавливали восковые фигуры. На нем был серый френч со стоячим воротником. Тетушка задержалась перед витриной и, как мне показалось, с некоторой грустью смотрела на экс-президента.

– Интересно, где сейчас Вордсворт, – сказала она.

– Думаю, скоро объявится.

– А я очень в этом сомневаюсь, – сказала тетушка и добавила: – Дорогой Генри, в моем возрасте уже не ждешь, что связь продлится долго, – ты только представь себе, какой сложной была бы моя жизнь, если бы я поддерживала отношения со всеми мужчинами, которых я знала близко. Одни умерли, некоторых я сама оставила, некоторые покинули меня. И если все они были бы здесь со мной, нам пришлось бы снять целое крыло в «Королевском Альбионе». Я была очень привязана к Вордсворту, пока он был со мной, но

чувства мои теперь уже не так горячи, как прежде. Я вполне могу смириться с его отсутствием, хотя сегодня вечером мне без него немного грустно. В постели его трюки ни с чем не сравнимы.

Ветер сорвал с меня шляпу и швырнул о фонарный столб. Я был так потрясен ее вульгарной откровенностью, что не успел поймать шляпу, а тетушка хохотала, совсем как молоденькая. Когда я вернулся со шляпой, на ходу стряхивая с нее пыль, тетя Августа все еще стояла перед витриной с восковыми фигурами.

– Это бессмертие своего рода, – сказала она.

– Что именно?

– Я не имею в виду эту брайтонскую мастерскую, их изделия – дешевка. Я говорю о музее мадам Тюссо, где выставлены Криппин и королева.

– Я бы предпочел, чтобы написали мой портрет.

– Но портрет не обойдешь со всех сторон, а у мадам Тюссо – я где-то об этом читала – они надевают на вас вашу же собственную одежду. Я бы охотно дала им голубое платье... Да что зря говорить... – сказала она со вздохом сожаления. – Вряд ли я когда-нибудь буду столь знаменитой. Тщетные мечты...

Она отошла от витрины, и я видел, что она слегка удручена.

– Преступники, королевы, политические деятели, – пробормотала она. – Любовь невысоко котируется, если, конеч-

но, ты не Нелл Гвинн⁷ или не новобрачная в ванне⁸.

Мы подошли к двери бара «Звезда и подвязка», и тетушка предложила зайти туда и что-нибудь выпить. Все стены внутри пестрели надписями философского содержания: «Жизнь – улица, идущая в одном направлении, обратного пути нет», «Брак – великий институт для тех, кто любит институты»; «Не пытайтесь убедить мышь в том, что черный кот приносит счастье». Помимо надписей там висели еще старые программы и фотографии. Я заказал для себя херес, а тетушке портвейн с коньяком. Отойдя от стойки, я увидел, что она внимательно рассматривает какую-то пожелтевшую фотографию: слон и две дрессированные собачки были сняты во время представления перед Дворцовым Молом. Перед ними стоял крупный мужчина – фрак, цилиндр, цепочка от карманных часов, – а рядом стройная молодая женщина в трико с хлыстом в руке.

– Это Карран, – сказала тетушка. – С этого начиналось. А это Хэтти. – Она указала на молодую женщину. – Какое это было время!

– Но вы ведь не работали в цирке, тетя Августа?

– Нет, конечно, но я случайно там оказалась в тот момент, когда слон наступил на ногу Каррану, и после этого мы стали близкими друзьями. Бедняга, он был вынужден лечь в боль-

⁷ Любовница короля Карла II.

⁸ Имеется в виду нашумевшая уголовная история, когда преступник-маньяк топил своих молодых жен в ванне.

ницу, а когда он оттуда вышел, цирк переехал в Уэймут без него. Хэтти тоже уехала, но она, правда, потом вернулась, после того как мы все устроили.

– Устроили что?

– Я тебе все это как-нибудь потом расскажу, а сейчас мы должны найти Хэтти.

Тетушка залпом выпила свой портвейн с коньяком, и мы вышли на холод и ветер. Напротив бара был канцелярский магазин, где продавались комические открытки и куда направилась тетушка, чтобы навести справки. Металлическая карторама с открытками поворачивалась со скрежетом, словно ветряная мельница. Я заметил открытку с изображением бутылки пива «Гиннесс» и толстухи с аквалангом, парящей в воздухе вниз головой. Надпись гласила: «Днищем вверх!» На другой открытке пациент в больнице обращался к хирургу: «Я не просил делать мне обрезание, доктор!» Но тут появилась тетушка.

– Это здесь, – сказала она. – Я чувствую, что не ошиблась.

В окне соседнего дома между стеклом и тюлевой занавеской мы увидели объявление: «Чайная Хэтти. Столики только по предварительной записи». Возле двери были выставлены фотографии Мэрилин Монро, Фрэнка Синатры и герцога Эдинбургского, очевидно, с автографами, хотя автограф герцога вызывал некоторое недоверие. На наш звонок вышла старая дама. На ней было черное вечернее платье и масса агатовых украшений, которые побрякивали, когда она дви-

галаась.

– Слишком поздно, – сказала она недовольно.

– Хэтти! – сказала тетушка.

– Впуск прекращается ровно в шесть тридцать, если нет предварительной договоренности.

– Хэтти, я Августа.

– Августа!

– Хэтти, ты нисколько не изменилась!

Но я вспомнил фотографию молоденькой девушки в трико с хлыстом в руке, скосившей глаза на Каррана, и решил, что время все же коснулось Хэтти, и в гораздо большей степени, чем показалось тетушке.

– Хэтти, это мой племянник Генри. Ты ведь знаешь про него?

Они обменялись взглядами, от которых мне стало не по себе. Почему я мог быть предметом их разговора в те далекие годы? Была ли посвящена Хэтти в тайну моего рождения?

– Заходите, заходите, пожалуйста. Оба заходите. Я только собиралась выпить чашечку чаю – непрофессиональную, – добавила, хихикнув, Хэтти.

– Сюда? – спросила тетушка, открывая дверь в комнату.

– Нет, нет, дорогая. Это для клиентов.

Я успел заметить на стене гравюру сэра Альма-Тадемы – толпа высоких голых женщин в римской бане.

– А вот, дорогая, и моя берложка, – сказала Хэтти, отво-

рив другую дверь.

Комната была небольшая, вся заставленная вещами, и мне показалось, что почти все было накрыто сверху розовато-лиловыми шальями с бахромой – стол, спинки стульев, полочка над камином; шаль свешивалась даже с поясного портрета крупного мужчины, в котором я узнал мистера Каррана.

– Преп, – сказала, взглянув на портрет, тетушка Августа.

– Преп, – повторила Хэтти, и обе они рассмеялись какой-то шутке, им одним ведомой.

– Это сокращение от «преподобный», – пояснила мне тетушка, – но это мы просто придумали. Помнишь, Хэтти, как мы объясняли это полиции? Его карточка до сих пор висит на стене в «Звезде и подвязке».

– Я там сто лет не была, – сказала Хэтти. – Покончила с крепкими напитками.

– И ты там тоже есть, и слон. Ты не помнишь, как звали слона?

Хэтти достала еще две чашки из посудного шкафчика – на него тоже была наброшена шаль с бахромой.

– Помню, что это было не избитое имя, вроде Джумбо. Что-то классическое. Боже, что делается с памятью в нашем возрасте, Августа!

– Цезарь?

– Нет, не Цезарь. Возьмите сахару, мистер...

– Зови его Генри, Хэтти.

– Один кусочек, – сказал я.

– О боже, боже, какая у меня была когда-то память.

– Вода кипит, дорогая.

Возле спиртовки с кипящим чайником стоял большой чайник для заварки. Хэтти налила чаю в чашки.

– Ой, простите, совсем забыла про ситечко.

– Ну и бог с ним, Хэтти.

– Все из-за клиентов. Им я никогда не процеживаю чай, поэтому забываю делать это для себя.

На столе стояла тарелка с имбирным печеньем. Я взял одно для приличия.

– С Олд-Стин, – сказала мне тетушка. – Старая добрая лавка. Такого имбирного печенья нигде нет.

– Они сделали нынче там игорное бюро, – сказала Хэтти. – Плутон, милочка? Не был ли он Плутон?

– Нет, не Плутон, это я точно знаю. Мне кажется, имя на букву «Т».

– На «Т» ничего классического в голову не приходит.

– Это имя было дано не просто так – оно было с чем-то связано.

– Безусловно.

– С чем-то историческим.

– Скорее всего.

– А ты помнишь собак? Они там тоже на фотографии.

– Ведь это они навели Каррана на мысль...

– Преп, – снова повторила тетушка, и они дружно рассмеялись общим воспоминаниям.

Мне вдруг стало тоскливо от своей несопричастности, и я взял еще одно печенье.

– Мальчик, оказывается, сладстена, – заметила Хэтти.

– Подумать только, эта лавчонка на Олд-Стин пережила две войны.

– Мы тоже, – сказала Хэтти. – Но нас не превратили при этом в игорное бюро.

– Нас сокрушить может только атомная бомба, – сказала тетушка.

Я решил, что мне пора принять участие в разговоре.

– Ситуация на Ближнем Востоке очень тревожная, – сказал я, – судя по тому, что сегодня пишет «Гардиан».

– Кто их разберет, – ответила Хэтти, и обе они с тетушкой погрузились в свои думы.

Тетушка достала из чашки чайнку, положила ее сверху на руку и прихлопнула другой рукой. Чайнка прилепилась к вене, окруженной просом, как называла старческие пятнышки моя мать.

– Пристал, никак не избавиться. Одна надежда, что он высокий и интересный мужчина.

– Это не новый знакомый, – поправила ее Хэтти. – Это воспоминание о ком-то ушедшем, но таком, которого ты все еще забыть не можешь.

– Живой или мертвый?

– Может быть и то, и другое. Зависит от того, насколько крепкая чайнка.

– Если он жив, тогда это может быть бедняжечка Вордсворт.

– Вордсворт умер, дорогая, притом много лет назад.

– Это не тот Вордсворт. Мой Вордсворт крепкий, как дерево. Я все думаю, кто бы это мог быть из покойников?

– Может, бедняжечка Карран?

– Он не идет у меня из головы с той минуты, как я приехала в Брайтон.

– Ты не будешь возражать, дорогая, если я сделаю чашечку настоящего профессионального чая тебе и твоему другу?

– Племяннику, – на сей раз тетюшка поправила ее. – Да, это будет забавно.

– Я поставлю еще чайник. Чайники должны быть свежие. Для профессиональных целей я беру «Лапсан сучон», а обычно пью цейлонский – «Лапсан» дает большие чайники, по ним хорошо гадать.

Когда она вернулась, сполоснув заварной чайник и наши чашки, тетюшка сказала:

– Хэтти, позволь мне расплатиться.

– Даже слышать об этом не хочу после всего, что было пройдено вместе с тобой.

– И с препом, – сказала тетюшка, и они вновь захихикали. Хэтти заварила чай крутым кипятком.

– Я не даю чаю перестояться, листья гораздо лучше говорят, когда они свежие, – сказала Хэтти. Она наполнила наши чашки. – Ну а теперь, дорогая, слей чай в эту миску.

– Вспомнила! – воскликнула тетушка. – Ганнибал.

– Какой Ганнибал?

– Слон, который наступил на ногу Каррану.

– Кажется, ты права, дорогая.

– Я глядела на чайнки, и вдруг меня осенило.

– Я не раз замечала это свойство чайного листа – возвращать прошлое. Смотришь на листья, и к тебе возвращается твое прошлое.

– Ганнибала, думаю, уже тоже нет в живых?

– Как знать, дорогая, слоны долго живут, – сказала Хэтти.

Она взяла тетушкину чашку и принялась внимательно изучать ее содержимое. – Любопытно, очень любопытно, – пробормотала она.

– Хорошее или плохое? – спросила тетушка.

– Всего понемножку.

– Тогда расскажи про хорошее.

– Тебе предстоит много путешествовать вместе с каким-то человеком. Ты поедешь за океан. И тебя ждет масса приключений.

– С мужчинами?

– Этого, дорогая, листья, к сожалению, не говорят, но, зная тебя, я бы не удивилась. Не раз твоей жизни и свободе будет грозить опасность.

– Но удастся ее избежать?

– Вижу нож, а может, это шприц.

– Или нечто похожее? Ты, конечно, понимаешь, Хэтти, о

чем я говорю?

– В твоей жизни есть тайна.

– Это не новость.

– Много суеты, какие-то перемещения, поездки туда-сюда. Не могу обрадовать тебя, Августа, в конце жизни не вижу покоя. Какой-то крест. Может, ты ударишься в религию. А может, речь идет о каких-то плутнях?

– Я всегда интересовалась религией, – заявила тетушка, – еще со времен Каррана.

– Конечно, это может быть и птица, скажем стервятник. Держись подальше от пустынь. – Хэтти тяжело вздохнула. – Теперь мне все это не так легко дается, как прежде. Я ужасно устаю от незнакомых людей.

– И все-таки, дорогая, хотя бы взгляни на чашку Генри, прошу тебя, взгляни лишь разок.

Хэтти вылила мой чай и стала смотреть на дно чашки.

– С мужчинами сложнее, – сказала она. – У них так много занятий, каких женщинам и не понять, и это мешает толкованию. У меня как-то был клиент, который сказал, что он кромкострогальщик. Я так и не знаю, что это значит. Вы, случайно, не гробовщик?

– Нет.

– Тут какой-то предмет, напоминающий урну. Взгляните сами. Слева от ручки. Это совсем недавнее прошлое.

– Это, может быть, и есть урна, – сказал я, поглядев в чашку.

– Вам тоже предстоит много путешествий.

– Это не очень правдоподобно. Я всю жизнь был скорее домоседом. Для меня поездка в Брайтон – целое приключение.

– Но в будущем вам предстоят путешествия. Поездка за океан. С подругой.

– Наверное, со мной, – сказала тетя Августа.

– Возможно. Листья не лгут. Какая-то круглая штука, похожа на мишень. В вашей жизни тоже есть тайна.

– Я о ней только что узнал.

– Я вижу впереди у вас тоже много суеты и перемещений. Как в чашке у Августы.

– Это уже совсем невероятно, – сказал я. – Я веду очень размеренную жизнь. Бридж раз в неделю в клубе консерваторов. И конечно же, сад. Георгины.

– Мишень может означать цветок, – согласилась Хэтти. – Простите меня, но я устала. Боюсь, что гадание было не на высоте.

– Все было необыкновенно интересно, – сказал я из вежливости. – Хотя, откровенно говоря, я не очень-то склонен верить таким вещам.

– Возьмите-ка еще печенья, – сказала Хэтти.

Глава 6

В тот вечер мы пообедали в закусочной под названием

«Игроки в крикет», напротив которой в лавке букиниста я увидел полное собрание сочинений Теккерея за весьма умеренную цену. Я подумал, что оно будет совсем неплохо выглядеть на полках под отцовскими томиками Вальтера Скотта, и решил, что вернусь сюда на следующий день и куплю его. Это решение всколыхнуло во мне теплое чувство к отцу, сознание нашей с ним близости. Я, так же как и он, примусь за первый том, прочитаю все собрание до конца и, дочитав последние страницы, начну сначала. Слишком большое количество книг слишком большого количества авторов способно лишь вызвать путаницу, равно как и слишком большое число рубашек и костюмов. Именно по этой причине я стараюсь как можно реже обновлять свой гардероб. Найдутся, вероятно, люди, которые скажут то же самое о моем образе мыслей, но банк научил меня остерегаться экстравагантных идей, ибо они, как правило, оборачиваются банкротством.

Я пишу о том, что мы пообедали в «Игроках», но правильнее было бы сказать, что мы там плотно перекусили. В баре, прямо на стойке, стояли корзины с горячими сосисками, и мы ели сосиски, запивая их бочковым пивом. Я был поражен, когда увидел, сколько кружек пива выпила моя тетушка, и стал слегка опасаться за ее кровяное давление.

После второй кружки она сказала:

– Странно, что там был крест. Это я про гадание. Я всегда интересовалась религией, с тех самых пор, как мы познакомились с Карраном.

– Какую церковь вы посещаете? – спросил я. – По-моему, вы говорили мне, что вы католичка.

– Я так называю себя удобства ради. Это связано с французским и итальянским периодами моей жизни. После того, как я рассталась с Карраном. Он повлиял на меня в этом отношении, а кроме того, все мои знакомые девушки были католички, и мне не хотелось выделяться. Ты, должно быть, удивишься, когда узнаешь, что мы сами когда-то ведали церковь, Карран и я, здесь, в Брайтоне.

– Ведали? Не понимаю.

– Дрессированные собаки навели нас на эту мысль. Двух из них привели навестить Каррана в больнице еще до того, как цирк переехал. Это был день посещений, и пришло много женщин навестить своих мужей. Сперва собак в палату не пустили. Подняли страшный шум. Но Карран уломал старшую сестру, объяснив ей, что это не просто собаки, а почти люди. Он сказал ей, что каждый раз перед выступлением их купают в дезинфицирующих шампунях, каждую собаку в отдельности. Это, конечно, была неправда, но ее он убедил. Собаки в воротниках *a la Pierrot*⁹ и остроконечных шляпах подошли к койке и по очереди подали Каррану лапу, чтобы он пожал ее, а потом ткнулись носом ему в лицо, как это делают в знак приветствия эскимосы. Затем их быстро увели, пока не пришел доктор. Ты бы слышал, что говорили женщины: «Какие миленькие собачки», «Какие лапушки». На

⁹ Как у Пьеро (*фр.*).

наше счастье, ни одна из собак не задрала ножку. «Они совсем, совсем как люди». Какая-то женщина сказала: «А еще говорят, будто у собак нет души». А другая спросила Каррана: «Эти собачки леди или джентльмены?» Видно, ее утонченное воспитание мешало самой посмотреть. Карран ответил, что одна дама, а другая – джентльмен, а потом добавил из чистого озорства, что они муж и жена. Женщины прямо застонали: «Какая прелесть! Какие душечки. У них уже есть щеночки?» Карран сказал, что еще нет. «Видите ли, они всего месяц как женаты. Бракосочетание состоялось в собачьей церкви на Поттерс-Бар». Так он им объяснил. Они буквально завизжали: «Как, бракосочетались в церкви?» И я испугалась, что Карран уж слишком загнул, но, слава богу, проглотили как миленькие. Все бросили своих мужей и столпились около койки Каррана. Мужей это нисколько не огорчило. День посещений – самый страшный день для мужчин: он всегда напоминает им о доме.

Тетушка взяла еще одну порцию сосисок и заказала еще одну кружку пива.

– Они потом расспрашивали его о церкви на Поттерс-Бар, – продолжила она, – одна из дам сказала: «Подумать только, мы каждый раз, когда ходим к Святой Этельбертии, вынуждены оставлять наших дорогих собачек дома. Мой песик христианин ничуть не хуже, чем наш викарий: тот и в кости играет, и чаепития беспрерывные». «Раз в год, – сказал Карран, – мы устраиваем благотворительный сбор со-

бачьего печенья в пользу бездомных собачек». Когда они наконец оставили нас в покое и ушли к своим мужьям, я сказала Каррану: «Начало положено», на что он мне ответил: «Ну что ж, поглядим».

Тетушка поставила кружку на стол и обратилась к женщине за стойкой:

– Вы когда-нибудь слышали о собачьей церкви?

– Что-то припоминаю, вроде слышала. Но ведь это было сто лет назад? Задолго до моего рождения. По-моему, где-то в Хове, разве нет?

– Нет, дорогая. Вовсе не в Хове, а в сотне ярдов от вашего бара. Мы обычно приходили к «Игрокам» после службы. Его преподобие Карран и я.

– Неужели полиция не вмешивалась?

– Они пытались внушить ему, что он не имеет права называться «преподобный», но мы объяснили им, что у нас священника называют только «преп» и что мы не принадлежим ни к какой государственной церкви. Они не могли нас тронуть, поскольку мы были сектанты, как Уэсли, и за нами стояли все владельцы собак в Брайтоне и Хове, к нам даже приезжали из Гастингса. Полиция пыталась подвести нас под статью о богохульстве, но так и не могла обнаружить ничего богохульного в наших проповедях. Они были очень торжественные. Карран хотел приступить к чтению очистительной молитвы сукам после того, как они ошенились, но я сказала, что это уж слишком – даже англиканская церковь отказалась

от очистительной молитвы для рожениц. Затем встал вопрос о соединении брачными узами разведенных собак – я решила таким образом утратить наши доходы, но тут Карран стоял на своем как скала. «Мы не признаем разводов», – заявил он и был сто раз прав – разводы только мешали бы непосредственности чувств.

– Ну а чем все это кончилось? Победа осталась за полицией?

– Да, она всегда побеждает. Они забрали его за то, что он болтал с девушками на набережной, а потом на суде столько всего было сказано и, говоря честно, много лишнего. Я тогда была молода и глупа, к тому же сильно раздражена, и я отказалась помогать ему дальше. Не удивительно, что он меня бросил и отправился присматривать за Ганнибалом. Кому нравится, когда его не прощают? Не прощать – привилегия Бога.

Мы вышли из закусочной и, несколько раз свернув в боковые улочки, пришли к входу в здание, все окна которого были закрыты ставнями, а на дверях висело объявление: «Текст на ближайшую неделю: “Если ты с пешими бежал и они утомили тебя, как же тебе состязаться с конями? Иеремия, 12”». Не могу похвастаться, что я до конца понял смысл этой фразы, разве что это было предостережение против участия в брайтонских скачках, хотя не исключено, что вся соль заключалась именно в непонятности. Секта, я успел заметить, называлась «Дети Иеремии».

– Здесь вот и происходили наши богослужения, – сказала тетушка Августа. – Иногда нельзя было разобрать ни одного слова из-за собачьего лая. В таких случаях Карран говорил: «Это их способ молиться». И всегда добавлял: «Пусть каждый молится как умеет». Иногда они лежали тихо и вылизывали зады. Карран говорил, что «они чистят себя перед Домом Господним». Мне чуточку грустно видеть здесь чужих людей. Кроме того, я никогда не испытывала симпатии к пророку Иеремии.

– Я мало о нем знаю.

– Его утопили в грязи, – сказала тетушка. – Я в то время очень внимательно штудировала Библию, но в Ветхом Завете о собаках говорится мало хорошего. Товия взял с собой пса, когда отправился в путешествие с архангелом, но в дальнейшем собака в рассказе роли не играет, даже когда Товию хотела сожрать рыба. Оно и понятно, собака в те времена считалась животным нечистым. Свой статус она обрела только с приходом христианства. Христиане были первыми, кто начал высекать на стенах в соборах собак, и, несмотря на то что они еще долго не могли решить, есть ли душа у женщины, им начало казаться, что у собак, возможно, душа и есть. Им, однако, так и не удалось заставить ни папу, ни даже епископа Кентерберийского сказать твердо «да» и «нет». Это пришлось взять на себя Каррану.

– Большая ответственность, – сказал я.

Я не мог понять, говорит тетушка о Карране всерьез или

шутит.

– Карран засадил меня за чтение теологических текстов. Ему были нужны цитаты с упоминанием собак. Однако про собак нигде ничего не говорилось, даже у Франциска Сальского. Я нашла массу ссылок на блох, бабочек, волов, слонов, пауков и крокодилов у святого Франциска, но о собаках будто все забыли. Однажды я испытала сильное потрясение. «Все, что мы делаем, бессмысленно. Так не годится, – сказала я Каррану. – Смотри-ка, что я нашла в Апокалипсисе. Иисус там перечисляет тех, кто достоин вступить в Град Божий. Вот послушай: «А вне – псы, и чародеи, и любodeи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду». Видишь, в какую компанию попали собаки?» «Это льет воду на нашу мельницу, – сказал Карран. – Любodeи, убийцы и все прочие – у них ведь есть душа, не так ли? Им только остается раскаяться. То же самое с собаками. Собаки, которые приходят к нам в церковь, уже раскаялись. Они больше не водятся с любodeями и чародеями. Они живут с уважаемыми людьми на Брансуик-сквер или Ройал-кресент». И знаешь, Генри, Карран был нимало не смущен Апокалипсисом и даже прочел проповедь, используя этот текст. Он предупредил прихожан, что теперь на них лежит ответственность следить за тем, чтобы их собаки снова не сбились с пути. «Ослабьте поводок, и собака погибла¹⁰, –

¹⁰ Отсылка к выражению «Поскупись на розгу – испортишь ребенка» – основному принципу воспитания детей в XIX в.

сказал он. – Толпы убийц здесь, в Брайтоне, и любодеев в метрополии только и ждут, чтобы схватить выпущенный вами поводок. А что касается чародеев...» К счастью, Хэтти – она тогда уже была с нами – еще не стала гадалкой. Это сильно подпортило бы нам игру.

– Он, верно, был хороший проповедник?

– Можно было заслушаться, – сказала тетушка с восхищением, в котором сквозила ностальгия.

Мы двинулись обратно к набережной. Было слышно, как ворочается и шуршит галька.

– Он не был фанатиком своей идеи, – продолжила тетушка. – Собаки для него были как бы Домом Израиля, но одновременно он был апостолом иноверцев, а к иноверцам, по мнению Каррана, относились воробьи, попугаи и белые мыши, но не кошки – кошек он считал фарисеями. Как ты понимаешь, ни одна кошка и не осмеливалась войти в храм, когда там столько собак. Правда, была одна нахальная кошка – она обычно сидела в окне дома напротив и ухмылялась, когда прихожане выходили из церкви. Карран не причислял к иноверцам рыб – в противном случае невозможно было бы поедать имеющих душу. Слоны вызывали у него всегда особое чувство, что свидетельствует о его великодушии – Ганнибал ведь наступил ему на ногу. Давай посидим здесь, Генри, «Гиннесс» для меня тяжеловат.

Мы выбрали местечко подальше от ветра. Огни вдоль Дворцового Мола уходили далеко в море, а кромка воды пе-

нилась и флуоресцировала. Волны монотонно набегали на берег и отступали, будто кто-то стелил постель и все никак не мог положить как следует простыню. Иногда поп-музыка доносилась из концертного зала, который высился в ста ярдах от нас, как судно, пришедшее прорвать блокаду. Эта поездка, подумал я, настоящее приключение, но я еще не подзревал, каким невинным, мелким событием она покажется мне потом, при ретроспективной оценке прошлого.

– Я нашла прелестный отрывок о слонах у святого Франциска Сальского, – сказала тетушка. – Карран использовал его в своей последней проповеди – после этой истории с девушками, которая меня совершенно вывела из себя. И мне думается, он хотел сказать в ней, что любит он только меня, но в то время я была молода и жестокосердна, и я не простила его. Я всегда ношу этот отрывок в кошельке, и, когда перечитываю, перед глазами у меня встает не слон, а Карран. Он был красивый, видный мужчина – не такой видный, как Вордсворт, но гораздо более тонкой организации.

Она порылась в сумочке и достала кошелек.

– Прочти его мне, дорогой. Боюсь, я ничего не увижу при этом свете.

Я взял мятый, пожелтевший листок и, подставив его под свет фонаря, начал читать. Листок был так сильно измят, что я с трудом угадывал смысл, хотя почерк у тетушки был молодой и четкий. «Слон, – гласил текст, – животное хотя и огромное, но самое достойное и самое смышленное из

всех живущих на земле зверей. Приведу пример его исключительного благородства. Он...» Буквы на сгибе стерлись, и я не мог дальше прочесть.

Тетушка, не дожидаясь, пока я справлюсь, наизусть закончила цитату каким-то необычайно проникновенным женственным голосом:

– «Он никогда не изменяет своей подруге и нежно любит свою избранницу». Ну а теперь продолжай, – сказала она.

Я снова стал читать:

– «С ней он, однако, спаривается только раз в три года, всего в течение пяти дней, и делает это в такой строжайшей тайне, что никому еще не довелось увидеть их в это время».

Тетушка сказала:

– Он пытался объяснить мне – сейчас я в этом ни минуты не сомневаюсь, – что, если он и был ко мне недостаточно внимателен из-за этих девок, все равно он любит меня ничуть не меньше, чем прежде.

– «И появляется он снова только на шестой день, и в этот день он идет прямо к реке и оmyвает свое тело, ибо он не желает возвращаться в стадо, пока не очистится».

– Карран всегда был очень чистоплотный, – сказала тетушка. – Благодарю тебя, Генри, ты прекрасно прочитал.

– Какое отношение это имеет к собакам?

– Карран все так замечательно повернул, что никто ничего не заподозрил. А на самом деле это говорилось для меня. Я помню, в то воскресенье у церкви продавали особый собачий

шампунь, освященный на алтаре.

– Что случилось с Карраном?

– Понятия не имею. Он, очевидно, оставил церковь – без меня ему было не справиться. А какая диаконисса из Хэтти? Иногда он мне снится. Сейчас ему было бы девяносто. Не могу представить себе его стариком. Двинулись, Генри. Думаю, нам обоим давно пора в постель.

Сон тем не менее не шел, невзирая на роскошную кровать в «Королевском Альбионе». Огни Дворцового Мола плясали на потолке, а в голове вереницей проплывали фигуры Вордсворта и Каррана, слон и собака из Хова, тайна моего рождения, прах матушки, которая не была мне матерью, и отец, спящий в ванне. Эта жизнь была не так проста, как та, что я вел, когда работал в банке и где о клиенте мог судить по его кредиту и дебету. Душу мою теснил страх, но одновременно она была исполнена радостного возбуждения, а с Мола доносилась музыка, и фосфоресцирующие волны накатывали на берег.

Глава 7

История с прахом моей матушки уладилась совсем не так быстро, как я поначалу предполагал (я по-прежнему называю ее матушка, так как в то время я не был по-настоящему уверен, что тетя Августа говорит правду). Когда я вернулся из Брайтона, урны не было, и я позвонил в Скотленд-Ярд и

попросил к телефону сержанта сыскной полиции Спарроу. Меня без проволочек соединили с голосом, который явно не был голосом сержанта. Он напомнил мне голос одного нашего клиента – контр-адмирала. (Я был счастлив, когда он перевел свой счет в «Нэшнл провиншл бэнк», так как с клерками он обращался как с матросами, а со мной как с младшим лейтенантом, приговоренным военным трибуналом к высшей мере за плохое ведение судового журнала.)

– Могу я поговорить с сержантом Спарроу? – спросил я.

– По какому делу? – рявкнул незнакомый голос.

– Мне до сих пор не вернули прах моей матери.

– Это Скотленд-Ярд, а не крематорий, – ответил голос, затем послышались гудки.

Прошло немало времени – линия была все время занята, – пока я вновь соединился с тем же императивным голосом.

– Мне нужен сержант сыскной полиции Спарроу, – сказал я.

– По какому делу?

Я заранее приготовился отвечать ему в его же стиле.

– По полицейскому, – сказал я. – А какими еще делами вы занимаетесь?

Мне казалось, что это тетя Августа говорит моим голосом.

– Сержант Спарроу вышел. Оставьте телефонограмму.

– Попросите его позвонить мистеру Пуллингу. Мистеру Генри Пуллингу.

– Адрес! Номер телефона! – раздался лающий приказ,

словно меня заподозрили в том, что я какой-то сомнительный полицейский осведомитель.

– Ему известно и то, и другое. Я не собираюсь без надобности снова все повторять. Передайте ему, что я разочарован: он не выполнил клятвенного обещания.

Я повесил трубку, не дожидаясь ответа. Вернувшись в сад, я наградил самого себя – что случается крайне редко – самодовольной улыбкой: с контр-адмиралом я никогда прежде так не разговаривал.

Мои новые кактусовые георгины были в прекрасном виде, а после поездки в Брайтон их географические названия доставили мне двойную радость: «Роттердам» – темно-красный сорт, темнее, чем наш почтовый ящик на углу; «Венецианский зубчатый» – с острыми кончиками лепестков, сверкающими, как иней. Я решил, что в следующем году посажу еще и «Гордость Берлина», и у меня будет трио городов. Телефон нарушил мои радужные мечтания. Звонил Спарроу.

Я сказал ему резко:

– Надеюсь, у вас есть оправдывающие обстоятельства, которые позволили вам нарушить слово и не вернуть вовремя урну?

– Безусловно, есть, сэр. В вашей урне оказалось больше марихуаны, чем пепла.

– Я вам не верю. Как могло случиться, что у моей матери...

– Мы едва ли можем подозревать вашу матушку, сэр. Как

я уже вам говорил, этот человек, Вордсворт, воспользовался вашим визитом. К счастью для вас, в урне все же нашли остатки человеческого праха. Можно только предположить, что Вордсворт большую часть его высыпал в раковину и смыл, чтобы освободить урну. Вы не слышали звуков льющейся из крана воды?

– Мы пили виски. И Вордсворт, естественно, наливал воду в кувшин.

– Это как раз и был тот момент, сэр.

– В любом случае я хотел бы получить назад остаток праха.

– Какой в этом смысл, сэр? Человеческий прах обладает, как бы это лучше сказать, клейкостью. Пепел пристает ко всем веществам, в данном случае это марихуана. Я вышлю вам урну заказной бандеролью. И советую, сэр, поместить ее там, где вы намеревались, и забыть злополучный инцидент.

– Все это хорошо, но урна-то пустая.

– Мемориал часто находится не в том месте, где захоронен покойный. Пример тому – военный мемориал.

– Да, вы правы, – сказал я. – Боюсь, тут уж ничего не поделаешь. Все равно она больше не будет пробуждать должных чувств. Я надеюсь, вы не думаете, что моя тетушка приложила к этому руку?

– Ну что вы, сэр! Такая старая, почтенная леди. Она, очевидно, была обманута своим слугой.

– Каким слугой?

– Как каким? Вордсвортом. Кем же еще?

Я почел за лучшее не просвещать его относительно характера их отношений.

– Моя тетушка думает, что Вордсворт скорее всего в Париже.

– Вполне возможно, сэр.

– И что вы собираетесь делать дальше?

– Пока больше ничего. Он не совершил преступления, из-за которого мы можем требовать его выдачи. Но если, конечно, он вернется... У него ведь английский паспорт.

В голосе сержанта сыскной полиции Спарроу прозвучала такая кровожадная нотка, что я на какой-то момент почувствовал себя единомышленником Вордсворта. Я сказал:

– Я искренне надеюсь, что он не вернется.

– Вы удивляете меня, сэр, и, должен сказать, я несколько разочарован.

– Чем?

– Я не относил вас к людям такого сорта.

– Какого сорта?

– Которые думают, что травка не приносит вреда.

– А вы уверены, что приносит?

– Наш опыт показывает, сэр, что все тяжелые наркоманы, заикленные на наркотиках, начинали с травки.

– А мой опыт показывает, Спарроу, что все, или почти все, алкоголики, которых я знаю, начинали с капли виски или стакана вина. У меня даже был клиент, который заик-

лился, как вы изволили выразиться, на прохладительных напитках и пиве. А кончилось тем, что из-за его частых отлучек во время лечения ему пришлось выдать доверенность на имя жены.

Я повесил трубку. Мне доставила тайное удовольствие сама мысль, что я посеял сомнение в душе сержанта сыскной полиции Спарроу, и не столько в отношении марихуаны, сколько в отношении его представлений обо мне, бывшем управляющем банком. Впервые в жизни я открыл в себе анархическую жилку. Не было ли это следствием моей поездки в Брайтон или влияния тетушки (хотя я не из породы людей, легко поддающихся влиянию)? А может быть, виноваты были бактерии, гнездившиеся в крови у Пуллингов? Я чувствовал, как во мне оживает любовь к отцу. Он был терпеливым человеком и очень сонливым, но в его терпении было что-то непостижимое – это скорее была рассеянность, чем терпение, или даже равнодушие. Он всегда отсутствовал, мысленно где-то витал, даже когда бывал с нами. Я вспоминал непонятные мне упреки, которыми матушка постоянно осыпала отца. Сейчас мне казалось, что это лишний раз подтверждает рассказ тети Августы и что за вечными придирками скрывалась женская неудовлетворенность. Пленница собственного нереализованного честолюбия, мать так и не познала свободы. Свобода, размышлял я, всегда достояние удачливых людей, а отец мой очень преуспел в своей профессии. Если заказчику не нравился отцовский стиль

или его расценки, он мог искать другого подрядчика. Отцу это было безразлично. Вполне возможно, что именно такая свобода в речи и поведении вызывает зависть неудачников, а вовсе не деньги и даже не власть. Вот такие путанные и непривычные мысли проносились в моем мозгу, пока я ждал к обеду тетюшку. Мы договорились о свидании, прежде чем расстаться на вокзале Виктория, еще в брайтонском поезде. Когда тетюшка приехала, я сразу же рассказал ей о разговоре с сержантом Спарроу, однако она отнеслась к моему рассказу с удивившим меня равнодушием и только сказала, что Вордсворту следовало бы быть поосторожнее. Я повел ее в сад и показал георгины.

– Я всегда предпочитала срезанные цветы, – сказала она, и я вдруг ясно представил себе, как незнакомые господа, французы или итальянцы, наперебой протягивают ей букеты роз или адиантума в тонкой прозрачной бумаге.

Я показал ей место, где собирался установить урну в память о матери.

– Бедная Анжелика, – сказала тетюшка. – Она никогда не понимала мужчин.

Больше она ничего не добавила. И у меня осталось ощущение, будто она прочитала мои мысли и подвела итог.

Я набрал номер ресторана, и вскоре прибыл обед, в строгом соответствии с заказом; цыпленка требовалось поставить всего на несколько минут в духовку, пока мы ели копченую лососину. Так как я жил один, я постоянно пользо-

вался заказами, если надо было угостить обедом клиента или раз в неделю принять матушку. Сейчас я уже несколько месяцев не обращался в «Петушок», поскольку клиентов больше не было, а матушка во время своей последней болезни так ослабела, что была не в состоянии ездить ко мне из Голдерс-Грин. Мы пили херес и ели копченую лососину. Чтобы хоть чем-нибудь отблагодарить тетушку за щедрость, проявленную ею по отношению ко мне в Брайтоне, я купил бутылку бургундского шамбертена 1959 года. Это было любимое вино сэра Альфреда, оно прекрасно сочеталось с цыпленком по-королевски. Когда тепло приятно разлилось по телу, тетушка вернулась к нашему разговору о сержанте Спарроу.

– Он убежден, что Вордсворт виновен, – сказала она, – но равным образом это мог быть любой из нас. Не думаю, что сержант расист, но для него существуют классовые различия. Он наверняка знает, что курение марихуаны не ограничено классовым барьером, но тем не менее предпочитает думать иначе и свалить всю вину на Вордсворта.

– Однако мы с вами можем дать друг другу алиби, тогда как Вордсворт попросту сбежал.

– Но мы могли состоять в тайном сговоре, а Вордсворт имел право уехать в очередной отпуск. Нет-нет, все же мозг у полицейского устроен по шаблону. Я помню, как однажды, когда я была в Тунисе, там давала представление бродячая труппа. Они играли «Гамлета» на арабском языке. И кто-то позаботился, чтобы в интермедии короля убили по-настоя-

щему, вернее, не убили до конца, но покалечили – ему сильно повредили правое ухо, впустив туда расплавленный свинец. И кого, ты думаешь, первым делом заподозрила полиция? Вовсе не актера, который влил свинец, хотя он уж наверняка должен был знать, что ложка не пустая и горячая на ощупь. Нет, они отлично знали шекспировскую пьесу и поэтому арестовали дядю принца Гамлета.

– Сколько вы успели поездить за свою жизнь, тетя Августа, – сказал я.

– Но я еще не поставила точку. Будь у меня спутник, я хоть завтра отправилась бы снова, но, к сожалению, я уже не могу поднимать тяжелые чемоданы, а носильщиков сейчас явно не хватает, как ты, наверное, успел заметить на вокзале Виктория.

– Мы можем продолжить наши путешествия к морю, – сказал я. – Я помню, много лет назад мы ездили в Уэймут. Там на набережной стояла позеленевшая от времени статуя Георга III.

– Я заказала два спальных места в «Восточном экспрессе», ровно через неделю, включая сегодняшний день.

Я поглядел на тетушку в недоумении.

– Билеты куда? – спросил я.

– В Стамбул, разумеется.

– Но ведь это займет несколько дней...

– Ровно три ночи.

– Но если вам так уж нужно в Стамбул, разве не проще и

дешевле лететь самолетом?

– Я летаю, только когда нет выбора, – сказала тетушка.

– Но это совершенно безопасно.

– Это вопрос вкуса, а не нервов. Я когда-то была близко знакома с Уилбуром Райтом. Он даже несколько раз брал меня с собой в полеты, и я всегда чувствовала себя вполне надежно в его летательной машине. Но я не выношу, когда все время орет никому не нужный громкоговоритель. На вокзалах, слава богу, людей еще не сводят так с ума. Аэродром мне всегда напоминает большой туристский лагерь.

– Тетушка, если вы выбрали в компаньоны меня...

– Естественно, тебя, Генри.

– Я должен извиниться, тетя Августа, но пенсия управляющего банком не так велика.

– Я, разумеется, оплачиваю все расходы. Налей мне еще вина, Генри. Оно превосходно.

– По правде говоря, я не привык к заграничным путешествиям. Боюсь, вы скоро обнаружите...

– Со мной ты быстро привыкнешь. Все Пуллинги были великолепными путешественниками. Не исключено, что я заразилась этим вирусом от твоего отца.

– Только не от него... Он никогда не ездил дальше центра Лондона.

– Он путешествовал от одной женщины к другой всю свою сознательную жизнь. Это, в конце концов, то же самое. Новые ландшафты, новые обычаи. И каждый раз масса воспо-

минаний. Долгая жизнь вовсе не значит много лет жизни. Человек без воспоминаний может дожить до ста лет и считать, что жизнь прожита мгновенно. Твой отец как-то сказал мне: «Первую девушку, с которой я спал, звали Роза, и, что самое удивительное, она работала в цветочном магазине. Мне кажется, это было тысячу лет назад». Ну а возьми твоего дядюшку...

– Я не знал, что у меня был дядя.

– Он был на пятнадцать лет старше твоего отца. Он умер, когда ты был совсем мальчиком.

– Он тоже был великий путешественник?

– Любовь к путешествиям приняла у него довольно странную форму в конце жизни, – сказала тетушка.

Если б я мог точно передать все интонации ее голоса! Она любила говорить, любила рассказывать. Она строила фразу, как писатель, который пишет неторопливо и, зная заранее, каким будет следующее предложение, уверенно ведет к нему перо. Ей было несвойственно рвать фразу или прерывать повествование. В ее речи была какая-то классическая точность или, вернее сказать, старомодность. Ее эксцентричная речь, которая, нельзя не признать, нередко вызывала шок у собеседника, приобретала особый блеск, будучи вставленной в старинную оправу. И чем ближе я узнавал мою тетушку, тем чаще я думал, что она сделана из какого-то металла, не из яркой меди, а из благородной бронзы, отполированной до блеска, как колено бронзовой лошади в гостиной отеля «Па-

ри» в Монте-Карло, – эту историю рассказала мне однажды тетушка, – которое ласково поглаживало не одно поколение игроков.

– Твой дядя был букмекер, известный под именем Джо, – сказала тетушка. – Он был очень толстый. Не знаю, к чему я тебе это говорю, но мне всегда нравились толстые мужчины. Обычно это люди, которые перестают делать усилия и суетиться, так как у них хватает здравого смысла понять, что женщины в отличие от мужчин редко влюбляются в красоту физическую. Карран был полный, твой отец тоже. С толстыми людьми чувствуешь себя гораздо уютнее. Я надеюсь, во время нашего путешествия ты немного наберешь в весе. Ты имел несчастье выбрать нервную профессию.

– Но я никогда не сохнул из-за женщин, – пошутил я.

– Ты мне как-нибудь расскажешь про всех твоих женщин. В «Восточном экспрессе» у нас будет уйма свободного времени для разговоров. А теперь я хочу, чтобы ты послушал историю про твоего дядю Джо. Весьма любопытная история. Он сделал значительное состояние на букмекерстве, но чем дальше, тем сильнее овладевало им желание уехать путешествовать. Вполне возможно, что беспокойным его делало зрелище вечно бегущих лошадей, тогда как он вынужден был часами стоять на небольшом помосте возле дощечки с надписью: «Неподкупный Джо Пуллинг». Он не раз говорил, что устал от непрерывного калейдоскопа скачек и что жизнь мчится мимо со скоростью однолетки, отпрыска Индийской

Королевы. Ему хотелось замедлить бег жизни, и верным чутьем он угадал, что только путешествия помогут ему сдержать ход неумолимого времени. Ты, очевидно, и сам замечал, как в праздник, если остаться дома, дня как не бывало, но если ты идешь, скажем, в три места, то тем самым праздник удлиняется в три раза.

– Поэтому вы и путешествуете так много, тетя Августа?

– Сначала я путешествовала, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Это было в Италии, уже после Парижа и после Брайтона. Я уехала из дому перед тем, как ты родился. Твоим родителям хотелось побыть вдвоем, а с Анжеликой у нас и всегда отношения были натянутые. Нас называли две мисс «А». Мое имя, все говорили, мне очень подходит – в молодости вид у меня был гордый и царственный. А вот про сестру никто еще не сказал, что ей идет ее имя. Может, из нее и вышла святая, но святая уж очень суровая. Ангельского в ней ничего не было.

Легкость, с какой тетушка могла прервать, не закончив, одну историю и перейти к другой, мне казалась одной из немногих предательских примет возраста. Беседа с ней напоминала американский еженедельник, где надо перескочить со страницы двадцатой на страницу девяносто восьмую, чтобы отыскать продолжение. И чего только вы не увидите в середине: статьи о детской преступности, новейшие рецепты приготовления коктейлей, интимная жизнь кинозвезды и еще одна повесть, ничего общего не имеющая с той, что так

неожиданно оборвалась.

– Имена – очень интересная тема, – сказала тетушка. – У тебя имя нейтральное, без смысловой окраски. И это гораздо лучше, чем если бы, к примеру, ты был Эрнест¹¹. Этому имени надо ведь соответствовать. Я знала когда-то девушку, которую звали Кáмфорт¹², и судьба ее из-за этого сложилась печально. Мужчины с незадавшейся жизнью беспрерывно помогали ей, привлеченные именем, тогда как сама эта несчастная девушка, как никто, нуждалась в утешении. Она неудачно влюбилась в человека по имени Каридж¹³, который смертельно боялся мышей; в конце концов она вышла замуж за джентльмена, носившего имя Пейн¹⁴, и покончила с собой в одной из общественных уборных, которые американцы зовут «местами утешения». Я бы считала эту историю забавной, если бы не была знакома с этой девушкой.

– Вы рассказывали о моем дяде Джо, – напомнил я.

– Я знаю. Я говорила о том, что он хотел продлить себе жизнь. Поэтому он решил отправиться в кругосветное путешествие (в те дни не было никаких валютных ограничений). И он, что весьма любопытно, начал его с «Симплонского экспресса», того самого, на котором мы с тобой поедem на следующей неделе. После Турции он собирался посетить Пер-

¹¹ Имя Эрнест означает «честный», «серьезный».

¹² Имя Камфорт означает «покой», «утешение».

¹³ Имя Каридж означает «смелость».

¹⁴ Имя Пейн означает «страдание», «боль».

сию, Россию, Индию, Гонконг, Малайский архипелаг, Китай, Японию, Гавайские острова, Таити, Соединенные Штаты, Южную Америку, Австралию, вероятно, еще Новую Зеландию и оттуда вернуться домой морем. К несчастью, в Венеции, в самом начале пути, его вынесли из вагона на носилках, так как его хватил удар.

– Какая печальная история.

– Но это не повлияло на его намерение удлинить себе жизнь. Я тогда работала в Венеции и пришла его навестить. Он решил, что, коли ему не суждено путешествовать физически, он будет путешествовать мысленно. Он просил меня подыскать ему дом в триста шестьдесят пять комнат, с тем чтобы он мог провести сутки в каждой. Он надеялся, что жизнь, прожитая таким образом, создаст иллюзию вечности. Мысль, что жить ему осталось совсем немного, подогревала его страстное желание протянуть время и отодвинуть конец. Я сказала ему, что вряд ли существует такой дом, кроме разве королевского дворца в Неаполе. Даже в римском дворце, судя по всему, не было такого количества комнат.

– В меньшем доме он мог бы реже менять комнаты, – сказал я.

– Он считал, что тогда не получится той смены впечатлений. Для него это было бы равносильно привычному путешествию между Ньюмаркетом, Эпсомом, Гудвудом и Брайтоном. Ему требовалось какое-то время, чтобы забыть, какие обои в комнате, до того как он снова туда вернется, и,

кроме того, надо было дать декораторам возможность внести небольшие изменения в интерьер. Знаешь, Генри, в Париже между двумя последними войнами (ай, совсем забыла, что с тех пор было уже много войн, но все же они нас не так близко коснулись, как те две) на улице Прованс существовал бордель. Там были комнаты в разном стиле: Дальний Запад, Китай, Индия – и все в таком роде. У дяди Джо была почти та же идея в отношении своего огромного дома.

– Которого он, конечно, так и не нашел?

– В конце концов ему пришлось пойти на компромисс. Какое-то время я боялась, что дом из двенадцати комнат – по месяцу в каждой – это предел, на который мы можем рассчитывать, но тут вскоре один из моих миланских клиентов...

– Я думал, вы тогда работали в Венеции, – прервал я тетушку, усомнившись в правдивости ее рассказа.

– Дело, с которым я была связана, требовало передвижений. Мы часто переезжали – двухнедельный сезон в Венеции, потом такой же в Милане, Флоренции, Риме и снова в Венеции. Нас называли *la quindicina*¹⁵.

– Вы были в театральной труппе?

– Можно и так назвать, – ответила тетушка уклончиво. – Не забывай, в те дни я была очень юной.

– Игра на сцене не нуждается в оправдании.

– Я и не думаю оправдываться, – отрезала тетушка. – Я просто объясняю. В такой профессии, как моя, возраст –

¹⁵ Полтора десятка (*ит.*).

главное препятствие. Я вовремя ушла. И все благодаря мистеру Висконти.

– А кто был этот Висконти?

– Мы говорили о твоём дяде Джо. Я нашла за городом старый дом – когда-то это был palazzo¹⁶, или castello¹⁷, или нечто подобное. А потом дом почти развалился, и в комнатах нижнего этажа и в погребе – погреб там был огромный, он тянулся подо всем первым этажом, – разместился цыганский табор. В погребе прежде хранили вино, и там стояла колоссальная пустая бочка – она треснула от времени, и ее поэтому бросили. Когда-то вокруг дома были виноградники, но затем прямо на территории имения, в ста ярдах от дома, проложили автостраду, и мимо целыми днями шли машины из Милана в Рим, а ночью громыхали тяжелые грузовики. Узловатые высохшие корни, торчащие из земли, – это все, что осталось от старой виноградной лозы. На весь дом была только одна ванная (воду давно отключили, так как вышел из строя электрический насос) и одна уборная на самом верхнем этаже в какой-то башне, но воды и там, конечно, не было. Можешь себе представить, Генри, продать такой дом было не так-то просто – двадцать лет прошло с тех пор, как объявили продажу, а владелец его, сирота-даун, находился в психиатрической больнице. Адвокаты говорили об исторической ценности дома, но мистер Висконти знал его историю

¹⁶ Дворец (*ит.*).

¹⁷ Замок (*ит.*).

не хуже, чем они, как ты догадываешься по его фамилии. Он, конечно, отговаривал меня, но было ясно, что бедный Джо долго не протянет, а дом мог бы скрасить ему остаток жизни. Я пересчитала комнаты: разделив погреб с помощью перегородок на четыре части, число помещений можно было довести до пятидесяти двух, включая уборную, ванную и кухню. Я сказала об этом Джо, и он очень обрадовался. «Каждую неделю новая комната, и так весь год!» – воскликнул он. Мне пришлось во все комнаты поставить кровати, даже в ванную и кухню. В уборной для кровати места не хватило, но я купила необыкновенно удобное кресло со скамеечкой для ног и решила, что уборную можно оставить на самый конец – я не думала, что Джо когда-нибудь доберется до нее. При нем находилась сиделка, которая должна была следовать за ним и ночевать в соседней комнате, из которой он уже переехал, отставая таким образом от него на неделю. Я боялась, что всякий раз при смене комнат он будет требовать новую сиделку, но, к счастью, ему нравилась та, что была при нем, и он легко согласился взять ее в постоянные попутчицы.

– Какая невероятная затея.

– Она, однако, удалась. Переехав в пятнадцатую комнату, Джо сказал мне – я в ту самую неделю вернулась в Милан на гастроли и в свой выходной день пришла провести его вместе с мистером Висконти, – что у него чувство, будто он живет здесь не меньше года. На следующий день он собирался перебраться в шестнадцатую комнату, этажом выше, и все

чемоданы были заранее упакованы. Он требовал, чтобы вещи переносили в чемоданах, и я нашла в комиссионном подержанный чемодан, весь в наклейках самых известных отелей – «Георг V» в Париже, «Квисисана» на Капри, «Эксельсиор» в Риме, «Рафлз» в Сингапуре, «Шеппард» в Каире, «Пера-палас» в Стамбуле. Бедный Джо! Я не видела человека счастливее. Он был уверен, что смерть не настигнет его раньше, чем он доберется до пятьдесят второй комнаты. Если путешествие до пятнадцатой растянулось, как ему казалось, почти на год, впереди оставалось еще несколько лет пути. Сиделка говорила мне, что в каждой из комнат примерно на четвертый день его охватывало какое-то беспокойство, дорожная лихорадка, и весь первый день в новой комнате он спал больше обычного, истомленный путешествием. Он начал с погреба и неуклонно двигался вверх, пока наконец не добрался до последнего этажа, после чего стал говорить о том, что пора ему снова посетить приют прежних дней. «Мы теперь будем двигаться в иной последовательности и подойдем с другой стороны», – говорил он. Он охотно согласился оставить уборную на самый конец. «После всей этой роскоши забавно пожить в простой обстановке. Лишения сохраняют молодость. Не хочу походить на этих старых мумий, что плавают на теплоходах Кьюнарда в каютах первого класса и жалуются на плохое качество паюсной икры». Второй удар настиг его в пятьдесят первой комнате. Одну сторону ему парализовало, и нарушилась речь. Я в это время жила в

Венеции, но меня отпустили на пару дней. Мистер Висконти отвез меня в palazzo Джо. Там очень намучились с ним. До того как случился удар, он уже прожил в пятьдесят первой комнате семь дней, однако доктор считал, что ему надо еще по крайней мере десять дней пролежать неподвижно в той же кровати, и очень на этом настаивал. «Любой нормальный человек, – сказал он, – согласился бы без разговоров полежать спокойно некоторое время». «Он хочет прожить как можно дольше», – сказала я. «В таком случае пусть так и лежит. Тогда у него впереди верных два-три года, даже при самом неблагоприятном стечении обстоятельств».

Я передала Джо слова доктора, и в ответ он беззвучно пошевелил губами, но мне показалось, что я разобрала слово «недостаточно».

Он пролежал спокойно всю ночь и следующее утро, и поэтому сиделка решила, что он смирился и не будет больше никуда стремиться. Пока он спал, она потихоньку вышла и спустилась ко мне в комнату выпить чаю. В Милане мистер Висконти купил свежайшие пирожные с кремом в кондитерской возле собора. Неожиданно сверху донесся странный скрежет. «Mamma mia!¹⁸ – воскликнула сиделка. – Что это?» Звук был такой, будто двигали мебель. Мы бросились наверх, и как ты думаешь, что мы застали? Джо выбрался из постели и каким-то образом ухитрился привязать галстук клуба своей молодости – то ли «Любителей пива», то ли «Гор-

¹⁸ Мама родная! (ит.)

чичного», то ли еще какого-то – к ручке чемодана. У него не хватило сил встать на ноги, и он полз по коридору прямо к башне, где находилась уборная, волоча за собой чемодан. Я крикнула, чтобы остановить его, но он не обратил на крик никакого внимания. Смотреть на него было мучительно – он полз очень медленно, с огромным напряжением. Пол в коридоре был выложен плиткой, и каждый квадрат стоил ему невероятных усилий. Он рухнул до того, как мы успели подбежать, и лежал, лоя ртом воздух, но меня больше всего огорчило то, что он сделал лужу прямо на плитках. Мы боялись тронуть его с места до прихода доктора. Мы принесли подушку и подложили ему под голову, а сиделка дала ему одну из предписанных пилюль. «Cattivo», – сказала она ему по-итальянски, что означает «несносный старик». Он улыбнулся нам обоим и произнес последнюю свою фразу, не очень отчетливо, но я сразу поняла. «Будто прожил целую жизнь», – сказал он и умер еще до прихода доктора. По-своему он был прав, пустившись в этот последний путь вопреки указаниям доктора. Доктор ведь обещал ему всего несколько лет.

– Он так и умер в коридоре? – спросил я.

– Он умер во время путешествия, – сказала тетюшка с укором, – как и хотел.

– «Он хотел отдохнуть – он здесь отдохнет», – процитировал я, чтобы загладить свои слова, хотя я не мог забыть о том, что дядя Джо так и не добрался до двери уборной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.